

АННА & МАРКЕР

ВЛЕЧЕНИЕ

Эротическая сага

Анна & Маркер
**Влечение: эротическая
сага. Современная сага
о сексуальном влечении**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8917249

ISBN 9785447404291

Аннотация

В длительной супружеской жизни мужчина и женщина неизбежно привыкают друг к другу. Появляются проблемы, муж начинает подозревать жену в измене, ревновать, не может понять причину падения своего влечения. Она в душевном неравновесии обижена и пытается с помощью подруги-психолога не переступить порог невозвращения. В поисках ответа оба совершают нелепые ошибки, которые приводят к затерянному у южного моря курортному городку с интересными людьми.

Содержание

Глава 1. Кот	5
Глава 2. Марта за работой	20
Глава 3. Жуков и Настя	32
Глава 4. Мила на юге	48
Глава 5. Бильярд	65
Глава 6. Интернет	83
Глава 7. Эдвард	93
Глава 8. Жуков	103
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Влечение: эротическая сага

Современная сага

о сексуальном влечении

Анна & Маркер

«Жизнь – есть влечение»

С. Прокофьев

Иллюстратор Евгений Кащенко

Корректор Геннадий Дерягин

Редактор Анна Котенёва

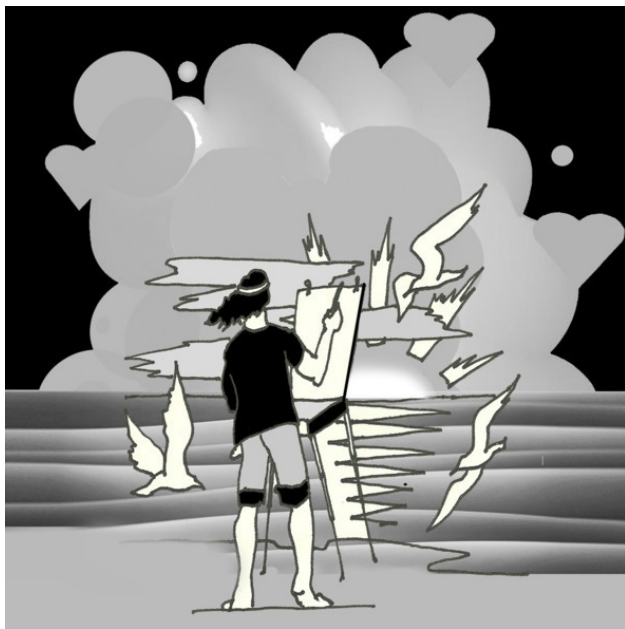
© Анна & Маркер, 2018

© Евгений Кащенко, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4474-0429-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Кот

Большой человек выросал с огромной скоростью. На глазах он расплывался и превращался в крылатую тень. Мальчик стоял на тоненькой полоске земли, боясь, оступиться и опустить глаза. Он слышал, как внизу неистово бушевало море, и волны криком плескались о камни высокого берега. Крылатое существо стремительно летело на него. Но вдруг

оно остановилось, уменьшилось и стало медленно разворачиваться, превращаться в маленькое чёрное пятно, затем в точку, которая безудержно прыгала. Из неё вдруг стала появляться знакомая родная фигура. Она также быстро отдалялась и вместе с грохотом уносилась большими шагами прочь. Мужчина резко открыл глаза. В комнате было темно. За окном бушевало море. Сквозь стеклянную дверь веранды светила над узкой полосой горизонта яркая в облаках, как печёное яблоко луна.

Он тихо поднялся с тахты, подошёл к окну и опёрся горячим лбом о холодное стекло.

– Опять этот сон?

«Мрачная фигура отца, загораживающая карту мира своим телом» – эта тревожная мысль Кафки стала ему известна в 36 лет. В том самом возрасте, когда перо противоречия художника оставило на суд времени и потомков пугающую и простую мысль о жизни взрослых и детей.

Складка бабкиного пёстрого платья, врезавшаяся в отвратительно перекатывающийся зад, который носил мутно-розового цвета панталоны с начёсом, как заноза, сидела в подсознании уже немолодого мужчины. Флаг этого пузыря на бельевой верёвке общей коммунальной кухни вечно болтался символом одержанной ею победы. Определённая неуверенная настороженность его отношений с женщинами корнями уходила в приёмы воспитания отца и бабки. Жуткий парадокс несоответствия – поблекшие в своём цвете

от старости портки коверкали розовый цвет уходящего мамино тепла, а вместе с ним и женского очарования. Гаммой из разных тонов с самого раннего детства определилось для него отношение к женщине, разделив его на две противоположности. Плоть тянулась и закипала, не слушая разума, а сердце ныло вдавленным рубцом отвращения, как от тугой старой резинки бабкиных панталон.

Своей матери он не помнил. Лишь теплая розовая дымка нежности – это всё, что рисовали мальчишеские детские сны. История её исчезновения была ему неведома до одного простого происшествия. Самовольно, с дворовыми ребятами он ушел купаться на дальнее озеро. Дом родителей стоял в центре города, недалеко от пологого берега небольшой мелкой реки. Пацанам там было неинтересно. И они отправились к озеру на велосипедах.

Возвращение из этого смелого похода не было триумфальным. Ребят хватились. Стали искать. Свита нашедших конвоиров состояла из двух человек. Бабка и младший брат отца вели маленького велосипедиста к месту неминуемой казни.

Одежды на героя не было. Её у него украли на озере. В одних мокрых трусах и сандалиях, со скукоженными от страха душой и гениталиями, он предстал перед палачом. Тот сидел на втором этаже в старом кресле, весь одетый в спокойствие и хладнокровие. При виде своей жертвы, палач медленно взял с журнального стола газету, как страшное орудие

наказания. Также медленно развернул её и в один миг превратился в обрубок без головы и туловища. Большой типографский заголовок, одетый в стоптанные домашние тапки, кричал разноликими голосами разносчиков газет на всех мостовых и улицах: «Преступник, нарушивший домашний закон, очень скоро будет жестоко наказан!»

Ожидание пытки продолжалось более двух часов. Над головой словно сломали шпагу человеческого и мужского достоинства. «Я надеюсь, ты всё понял?» – сухо проговорило газетное чудовище и абсурдно исчезло в дверях комнаты, но уже в родном человеческом облике. Сцена этой страшной казни продолжалась всякий раз, когда мальчик видел тапки в прихожей или когда они медленно покачивались на ногах отца.

На кухне бабка одной рукой выдала чашку с борщом и подзатыльник. Она стояла у плиты с заплаканным, набухшим от слёз красным носом и плакала в причёт: «Угробишь отца, нечистая сила. Мать ушла на это озеро и не вернулась. И ты туда же!».

В юности ему стало известно, что мама утонула при невероятных загадочных обстоятельствах, тело её не нашли. Отец много лет не мог прийти в себя, часто, как на кладбище, он ходил на это озеро в совершенно тупой надежде на чудо. Спустя четырнадцать лет, без счастья, женился во второй раз...

Не изменяя своим погоням, Гордеич кругами выписывал свою причудливую географию пенсионного маршрута, шаркая ногами. Сделав последний шаг подлиннее, старик приблизился на расстояние вытянутой руки, которой и ухватил за кисть Кота.

Так все звали местного скульптора и своего рода мецената Константина Михайловича Ветхого, человека легко уязвимого, мужественного и благородного. Имя Константин, от рождения, для лёгкости произношения и обращения, сначала сократилось до Коти. Но природа поведения этого самца сочно отразила сексуальное очарование прямого взгляда спокойных, пронизательных серых глаз, с тёплой, играющей в уголках улыбкой, умелую хваткость сильных, мягких лап. А весеннее мартовское появление на свет возвело этот индивид до семейства кошачьих. Так в процессе непростой эволюции он был наречён Котом. За спиной у него мотался, как творческое наследство, чёрный волнистый с проседью хвост. К Коту благоволили женщины, он, же, в свою очередь, обволакивал каждый прелестный образ магией кошачьего обаяния. Редко отказывался, ещё реже отказывал. Его ценили и любили старики за искреннее и доброе к ним отношение. Они четко понимали: мастер по камню – наш мастер.

– Здрав желам! – дед размеренно потряс Костину руку, а потом положил на неё свою ладошку, маленькую, жили-

стую, с колючими мозолями. – Сегодня, какой день? Ага-а, вторник. Послезавтра, что будет? Ага-а, четверг! Вот мы с тобой в пятницу мерзавчика и усугубим. Я к тебе и подойду. Ага-а?

– Однозна-а-чно, Гордеич.

Каждый раз, встречая на своем пути Костю, старик говорил одни и те же фразы, где менялись только дни, недели. А выпить им так и не удавалось уже лет семь. Ритуал соблюдался неизменно, и Костя с улыбкой слушал старика, желая здоровья и везения в его глубоком возрасте, который катился к своему к неизбежному закату.

А тот, не дожидаясь ответа, поплел свои военно-пенсионные круги дальше к продавщице воздушных шариков.

Аппетитная, рыхлая, как сдобная булка, она сама походила на большой круглый пузырь. Расставив широко ноги, девица с наушниками от плеера в ушах сидела на парапете и уплетала увесистые бутерброды с колбасой и белым хлебом. Откроет рот – полбатона нет.

– Здрав желам, Люся! Ты нонче, как стог мяса!

– Нет! Я – пончик! – Она выдернула из себя все провода.

– Тебе бы пельмени рекламировать, а не сидеть якорем для шариков, – съязвил Гордеич.

– Шарик приносит радость детям, а в пельменях мяса нету, – она проглотила здоровенный кусок бутерброда.

Кот сидел в сквере, у набережной, на своей любимой скамейке, ждал помощника для работы в гранитной мастерской.

Он давно отошел от рутинной работы, но давать некоторые распоряжения время от времени приходилось. Погода улыбалась теплотой летнего дня. Влажность морского воздуха была перемешана с восточным суховеем, ветром, который приносил с собой аромат медовой цветущей пыльцы. В такие дни организм дышал полными легкими, насыщался и настраивал мысли на задумчивую философскую ноту. Даже курилось с каким-то особым наслаждением.

Телефон оповестил сигналом, что пришло сообщение от Любаши с забавным смайликом в конце:

«Я Вас хочу Константин Александрович! Может быть сегодня, в мастерской? Почему Вы молчите? Что-то случилось в Вашей вселенной?»

Медленно затянувшись от сигареты, Константин с улыбкой откинулся на удобную спинку скамейки: «Как все-таки изменил себе эпистолярный жанр. Как изменились люди. Скорость мысли, слова, действия».

Ежедневная готовность двадцатилетней девушки к интимным утехам его поначалу радовала и забавляла. В любой момент он мог ей ответить на сообщение, и через час, а то и раньше, она встречала его с неизменной улыбкой и желанием часами заниматься сексом. На полу, кровати, столе, траве, в мастерской, машине. Порой ему думалось, что даже там, где не ступала бы нога человека. Для верности сексуального эксперимента Любашу можно было смело запускать в космос. Состояние невесомости для этой научно-оза-

боченной особы – не помеха. Кот иногда шутил по этому поводу, а она не сердилась: «...Вам, Константин Михайлович, я покажу все тайны вселенной...».

Потребность в сексе у неё проснулась ещё в раннем детстве. Как маленький научный исследователь, девочка со строгим запретом семейного воспитания, в аналитической последовательности, начитавшись умных, взрослых книжек, маленькими пальчиками открывала в себе женщину. Всеми нитями естества она тянулись к мужчине, ещё и потому, что в реальной жизни была окружена заботой любящих и жалеющих её женщин, которых пропитали обида и горечь одиночества, как тягучий сироп ароматного бисквита. Умненькая, образованная, полностью раскованная, даже с некоторым налётом похоти от желания поскорее стать опытной и сладострастной, она шептала в короткие перерывы между многочисленными оргазмами: «Французский язык и секс – вот мои стихии». Оковы девственности пали не в день взятия Бастилии, а в долгожданный день совершеннолетия. Первым её мужчиной стал безусый, длинноногий однокурсник. Так появился не совсем удачный, сексуальный опыт, а с ним и главная мечта – разбить быстрее стеклянную капсулу пуританского целомудрия и кометой страсти стремительно лететь на женскую сексуальную орбиту наслаждения. Не переставая мастурбировать, теперь уже женщина, по сути, но девочка по сознанию, Любаша продолжала осваивать изошрённую продукцию современных секс-шопов. «Я

не настолько порочна, чтобы отдаваться каждому, кто меня желает!» – говорила она подругам, которые слушали её фантастические рассказы о блаженных ночах с разными мужчинами. И томно продолжала: «Но я не могу не отдаться тому, кого я хочу...». Половые связи набирали солидные обороты. Спустя два года, одиннадцатым номером попал в её список Константин Ветхов.

И на него она запала надолго. Полгода – это срок. «Вы будете меня иметь до моего отъезда в Париж?» – частенько спрашивала она. И сама же отвечала: «Не Вы, так я». Крепкий тугой пучок волос на затылке Кота, как будто бы имел олицетворяющий образ эрегированного фаллоса и служил заводным фетишем для Любаши. Плюс личный опыт мужчины с репутацией бабника, который многое может и умеет в свои почти пятьдесят.

Ради получаса общения это юное создание летело к нему через весь город. На людях и в постели, она всегда, с издёвкой наивной молодости, говорила ему исключительно «Вы». Причинами такого обращения были ещё и уважение, возраст, стёб. Кого это не позабавит? Однако, ежедневные предложения становились Коту всё более навязчивыми и облекались в форму живого воплощения песни-шлягера «Девочка по имени Хочу».

Константин хорошо понимал, что исключительно малый срок у плотских отношений, где место есть только одному вожделению. Он по-прежнему величал её мотыльком, но все

чаще и чаще про себя называл обычной молью или мухой. Сознание художника рождало образ, а через него и иную настройку в отношениях. Муха, с большими зелеными глазами, разрез которых ей идет. И прихлопнуть вроде бы жалко, и сама никак не улетает. Летит на огонь, не замечая его растущего равнодушия. Физиологичная эйфория ранней страсти, демонстрирующая экспрессивно-пылкий максимализм, обречена носить пенсне близоруких. Диалектика подобных отношений не предполагала будущего.

Коту давно было ясно: «Пора сказать. Пора». Но он не спешил. Эгоизм мужской самости и искреннее нежелание обидеть девушку, у которой вся жизнь впереди, несомненно, были препятствием на пути к такому решению.

Скоро она улетает поступать в аспирантуру. Поживет у родни в северной столице. Может быть, там и найдет свою судьбу. А потом: «Пари! Пари! Парижем все его зовут. Пусть станет для неё поближе страна изысканных манер».

– Привет, вьюноша! – неожиданно в ухо Кота грохнула, как снаряд, хрипотца и шепелявость со свистом знакомого голоса.

– Моё почтение... – Костя привстал, предлагая сесть пожилому человеку рядом. Появление старика, перестроило навеянные сообщениями размышления. – Рад видеть живым и здоровым, Львович!

– Пока коньяк струится в хрупком теле дряхлого еврея, никто меня не переживет.

– Когда ты зубыставишь? Удивляюсь, как Наина с тобой целуется? – Два сломанных сверху и один золотой зуб внизу давали им постоянную тему для разговора и желание направить Львовича к стоматологу.

– Мы с ней уже забыли, как это делается...

– Как так?

– Как так – так как. Молча! Не надо нам этого. За всю жизнь мы столько перецеловали, что я без зубов остался, а у неё губы усохли. Это только на диком Западе и в Европе в 70 лет начинается сексуальная жизнь. Они пахали-пахали, а потом от нечего делать вспомнили, что сексом недоназначались. А у нас в России все иначе.

– Новая теория?

– Ты слушай, вьюноша. И на ус мотай. Или ещё, на что хочешь. Это, дорогой ты мой, лишь по ящику говорят, что в СССР секса не было. Мы в молодости только и делали, что «этим» занимались. Где можно и с кем можно. И нас драли, и мы не молчали. А работа нам не мешала. На работе оно и сподручней было. Кто ж думал, что мы столько протянем? У нас и друзей-то, ровне нашей, не осталось. Все та-а-ам давно. Поэтому мы свой сексуальный заряд до пенсии и не дотянули.

– Да ты любому молодому фору дашь!

– Скажу тебе, Кот, по секрету. Разок в месяц могу. И то, по ситуации.

– Это не Сара ли, твоя ситуация, с Садовой?

– Тоже секрет... Лучше послушай новый анекдот про нашего мэра. Знаешь, почему он на три дня раньше из отпуска с Хургады вернулся?

– Нет.

– Деньги кончились!

Оба засмеялись, зная о крупном семейном бизнесе градоначальника и его жены.

– Может тебе подкинуть на новые мосты?

– Не шли меня далеко! Пока фикса моя со мной – мне сказочно везёт! Пусть и тебе пофартит.

Львович приподнял край своей изрядно потёртой кепочки, и направился в еще не сокращенный, дышащий на ладан НИИ, заниматься по его выражению, «каторжной работой эсэнэса». Константин с грустью проводил глазами медленно удаляющуюся фигуру старика, а мысли набежавшей волной покатали сознание в далёкое путешествие воспоминаний. Творческая успешная работа, друзья. Это всё сублимация, вместо самого дорогого, того, что просто сброшено с земли. Уже не в первый раз, Костя, как-то по-особенному, задумался о двойственном восприятии им женщины и своём одиночестве. Это чувство продолжало жить в нём без ответа, а в последнее время, часто ставило под откос стереотипы его налаженных жизненных позиций. Всё чаще и чаще становилось грустно, вспоминалось детство и юность. Первая неразделённая школьная любовь. Совсем короткий миг семейного счастья. Одержимая страсть.

Может, виной тому – разговоры друзей о встречах одноклассников, может – одноименный сайт, а может, то нечаянное знакомство неожиданно всколыхнуло прошлое и вновь заиграло в душе пламенем тёплого ожидания...

Всё странно в этом мире. Порвать с Любашей? Именно сейчас, когда видимых причин их необременительной физической связи нет? Желание не совсем понятное, но оно уже живёт внутри, словно навязчивая паранойя. Отношения с этой девочкой тоже толкало его на размышления о юности. Разница в возрасте почти в тридцать лет. Он же, еще, не настолько стар, чтобы заводить молодых любовниц. Скорее, она его завела. Всё, как всегда, шло по накатанной, знакомой схеме. Желание, разнообразие опять же. Любви-то у него нет к этому сексуальному объекту. А вот заслонила же всех на какой-то период моль с эротической плотью. От тяги и тяжести такого влечения в душе всё больше нарастала пустота ощущений.

В очередной раз тинькнул мобильник, выкинув смс со смайликом: *«А я таки разболелась. Лежу под одеялом в позе шмыгающего бревна. Наверное, это как обычно мои дурацкие защитные механизмы – они решили, что таким образом, защитят меня от страшных походов на экзамены. О том, что они заодно защитили меня от нормального секса в ближайшие дни, они как-то не подумали».*

Костя ответил сразу: *«Не болей и не стони, девочка. Завтра будет лучше, чем сегодня! У нас может что-то и ве-*

чером получить!» Не было желания разговаривать и утешать девушку, которая придумывает себе очередную болячку, лишь бы её жалели. Также быстро пришел и ответ: «Если что, считайте это просто бредом девочки Любаши... Нейрончики, ответственные за мысли, уже сладко спят в моей черепной коробочке в ожидании вечера. Пойду к ним присоединюсь, чтобы быстрее выздороветь...».

Константин закурил: «Она любит ярко-розовый цвет. Цвет невыцветших бабкиных панталон. И бёдрами её природа не обделила. С возрастом, раздастся в своей пышной природе...».

Тяжесть от давнего воспоминания, словно натолкнулась на тень внутреннего раздражения. На скамейке без ответа лежал сотовый телефон.

– Ёкалэмэнэ! Ты мне, когда штуку вернешь?! – Здоровенный детина непонятного возраста с огромной бородищей сгрёб Костю со скамьи. – Я вернулся! Узнаешь? Или все пропил здесь без друга!?

– Извините, вы ошиблись. – Костя не без труда высвободился из цепких объятий и снял черные очки.

– Извини, братан. Ёкалэмэнэ! Точно ошибся... – он отошел на шаг назад и лукаво улыбнулся: шутка удалась. – Выпить не хочешь, Кот? Дай на воду для чая с лимоном, под тортик, временно безработному труженику умственно-физического фронта. Завтра верну!

– Не подаю халявщикам. Станцуешь? Споешь?

– Ёкалэмэнэ! Не умею.

– А может быть, поработаешь? Заплачу.

– Как всегда? Авансом перспективы раздаёшь? Это можно. Но без перенапряжения для личности.

– Ок, Гера! С соответствующим сдельным окладом.

– Идет!

– А Виталик далеко?

– Виталик нас догонит. Как речь о деньгах, он всегда рядом.

Глава 2. Марта за работой

Мила, как и тысячи горожан, уже не одну неделю маялась от палящей жары, навалившейся на всю территорию России. Люди, дома, деревья, машины – всё в эти небывалые жаркие дни было похожим на липкую массу талого мороженого и словно растекалось по дворам, тротуарам и скверам. От неприятия такой температуры сознательное смешалось с бессознательным. Женщине и в голову не могло прийти, что в это пекло у кого-то может возникнуть желание тащить себя на консультацию в психологический кабинет. К любо-

му водопою, только не к психологу! Она и не подумала звонить подруге и предупреждать о своём визите. Но, переступив порог консультативного центра и окунувшись в прохладу кондиционерного рая, сразу поняла, что ошиблась. И это чувство её не обмануло. В уютном холе приёмной, с мягкой мебелью апельсинового цвета, ожидали три человека. Одна немолодая пара разместилась вместе со своей проблемой на диване. Одинокая, на первый взгляд, эксцентричная особа без возраста сидела напротив в кресле и в парике. Платиново-рыжий цвет её головы был похож на переспелый апельсин и сливался с кожаной обивкой всего интерьера комнаты. У дверной ручки покачивалась на тоненьком ярко-оранжевом шнурке табличка: «Просим не беспокоить. Идёт сеанс».

Возмущённо вздохнув от неожиданности: «Вот! Всё в тон!», – Мила решительно направилась к двери. До визга, вырвавшегося из гортани рыжей фурии, она успела просунуть голову в дверной проём и улыбнуться подруге. Но за локоть её уже цепко держала отманикюренная красным лаком рука, а в затылок звучно шипела поучительная нота негодования.

В кабинете психолога было немного прохладно. Плотно закрытые жалюзи надёжно прятали от знойной сорокаградусной жары и создавали атмосферу какой-то иной защищённой вселенной. Воздух был пропитан теплым, спокойным ароматом полевых ромашек, которые стояли в прозрачной вазе на небольшом рабочем столе хозяйки этого про-

странства. Всё вокруг мягко располагало к доверительно-
му общению, незримо утверждая простую мысль о том, что
в мире нет причин для неприятия. Ведь наша природная
мирность – это и есть гармония безмятежности.

– Милочка! Дорогая! Подожди какое-то время в при-
емной. Извините, – Марта обратилась к женщине средних
лет, – слушаю вас.

– У меня очень серьёзная проблема. Я замужем больше
15 лет, две дочки.

– Хорошо! Это не проблема.

– С мужем прежде всё было нормально. А-а-а, – она за-
мялась, – в последнее время появилась, даже и не знаю, как
об этом сказать?

– Успокойтесь, скажите, как есть.

– Он увлекся порнофильмами и порножурналами. Закры-
вается в полночь в своем кабинете и до 4-х часов их смотрит.
Мне кажется, это не совсем нормально?

– Любая зависимость не нормальна.

– У него целая коробка таких фильмов, более 20 кассет, –
дама быстро и с напором стала наседавать на Марту. Её как
будто прорвало. – Вступил в какой-то клуб, откуда и получа-
ет эти журналы и кассеты. Смотрит день и ночь, я его совсем
не вижу. О детях забыл...

– А какая тематика его интересует? Вам...?

– Какая разница? – раздражённо продолжала клиентка.
Она не дала задать полного вопроса и эмоционально продол-

жала щедро, делиться своими возмущёнными соображениями, выводами и чёткими решениями, как необходимо бороться с этим проклятым злом.

– Да, это на самом деле сложно. Я вас понимаю. Но для начала давайте постараемся сформулировать запрос. Что вы хотите?

– А причём здесь я? Я подам на развод. Я к вам для этого и пришла, что мне больше дел других нет?

– Понимаю, как вам сейчас трудно.

– Ничего мне не трудно. Я уже всё решила, и мужу сказала, что пойду к психологу.

– Полагаю, Рита, в вашей ситуации тогда лучше обратиться в юридическую консультацию? Если вы всё решили, и других вопросов ко мне у вас нет, наш сеанс можно считать законченным. Всего доброго. До свидания.

Замочек дамского ридикюля неожиданно для его хозяйки нервно щелкнул вместе с потертыми набойками её каблучков. Жалобщица вихрем летела по коридору, уверенная в правильной рекомендации психолога и в верности своего убеждения.

– Вот я и говорила, нужно идти прямо к юристу!

Хозяйка парика изумлённо взглянула на выскочившую клиентку, лениво поднялась со своего места, выпрямилась, демонстративно лёгким прикосновением ухоженных пальцев, поправила самые соблазнительные рыжие завитушки головы, скрылась за дверью.

Пару с дивана пригласили в соседний кабинет. Вслед за этим, влажная тряпка уборщицы смахнула суету человеческих проблем в пустом коридоре.

Мила присела на освободившееся кресло, поджала свои острые коленки, свернулась в тревожный комочек. Непривычное состояние: прийти к подруге на работу, а оказаться в зале клиентов. «А ведь я и пришла за помощью к психологу», – неожиданно для себя подумала женщина. А голос изнутри чётко добавил: «Да, мы все себе психологи».

Давнее «девичье» общение подруг уже проверилось временем и стало доверительным и необходимым. Именно это они и ценили в своей дружбе: помогали, как могли, верили друг другу.

Мила крепко спрятала правый кулачок в ладонь левой руки, немного нарушая правило волейболиста для приема подачи. Семья, социумом переучили природную левшу, при этом, не отобрав у неё навыков творчества и незащищённой душевной щедрости. Ей вспомнилась встреча с Мартой. Она в первый раз за всё это время подумала о том, как помогла подруге с кабинетом. Это было несколько лет назад. Марта долго ухаживала за больным отцом и была вынуждена оставить практику и научной работу в лаборатории института. Вот тогда Мила посоветовала подруге частную клинику. Зная и восхищаясь её профессионализмом, как ведущего семейного психолога города, ей предоставили кабинет. И самое главное – поверили. Психолог в то время был даже

не экзотикой, он просто раздражал неухоженную действительность девяностых.

«Собственно, не так много изменилось с тех пор. – Улыбка от приятных воспоминаний скользнула по лицу красивой немолодой женщины, на несколько секунд заставила забыть о своей грусти, спрятавшейся в морщинках у глаз. – Боже, да мы знакомы целую жизнь...». Ни Мила, ни подруга, которую с той поры все почтительно называли Мартой Ароновной, никогда и нечего не делили меж собой. Они давно были замужем, обзавелись детьми, подумывали о внуках. Встречались не часто, но при этом теплоту встреч ценили больше всего.

Дверь кабинета распахнулась, и она услышала мягкий голос подруги, заставивший отвлечься от мыслей и воспоминаний.

– Удачи вам! – Марта проводила посетительницу к двери и вернулась в кабинет. На столе звенел телефон.

Рыжая покинула кабинет и плавно плыла по холлу, как явление, как буёк на воде, всем видом указывая: до неё не заплывать.

– Слушаю Вас, – Марта подняла трубку, ее голос был спокойным и уверенным. «Тебе бы на телевидении или радио вещать о важных мировых новостях, – смеялись над ней друзья. Все бы за правду шло, а главное с позитивным настроением». – Проблемы с эрекцией?.. А сколько вам лет?.. 76 – хороший возраст... С женой не живете... А с другими женщи-

нами? Так. Заболеваний серьезных у вас не было?

Марта включила микрофон для записи, усилила звук, чтобы лучше слышать клиента. Потом вышла в приемную и махнула рукой подруге, приглашая в кабинет.

В комнате раздавался голос мужчины:

– Лежал в онкологическом отделении. С легкими проблемы были. Проходил курс химиотерапии. И вот когда ввели химию, поднялось давление до 240, и, всё... , сами понимаете, стояло! А с тех пор, – он замаялся, – практически ничего и нет. Был у врачей, обследовался. Они мне, не скрывая, намекнули на годы. Можно мне как-то помочь? Доктор?

– Думаю, да. Вы очень достойно переживаете свой инволюционный возраст. И очень хорошо, что думаете о сексуальном здоровье. Если хотите, то приезжайте, в нашу клинику, будем обследоваться. Порассуждаем. – Марта поцеловала подругу. – Милочка, рада тебя видеть. Присаживайся.

Опять раздался телефонный звонок, она взяла трубку и жестом указала подруге на кресло за её рабочим столом. Уголок с компьютером был завален книгами, папками, рабочими бумагами, журналами с закладками и завёрнутыми листами в разных научных изданиях по психологии, культуре и медицине. На столе в беспорядке научного творчества лежали цветные карандаши, стояла любимая кофейная чашка с изящной серебряной ложечкой. Глядя на весь беспорядок, Мила сразу поняла: «Подруга опять в научном поиске. И это здорово!»

Заголовок первой страницы крупным шрифтом заявлял: «Влияние аномальной жары на сексуальное влечение». Женщина с некоторым изумлением улыбнулась и подумала: «Интересно. Вот как дорогая моя Марточка Ароновна борется с жарой...». От Марты, как от наблюдательного человека и опытного психолога не ускользнула улыбка недоумения на лице подруги. Она прикрыла рукой телефонную трубку, шепотом произнесла: «Пробегись по моим буковкам, (так она всегда называла свои научные и художественные работы) мне интересно твоё мнение», отключив громкую связь, продолжила консультацию по телефону.

Подруги занялись каждая своим делом.

Прошло немного больше получаса. Марта заканчивала консультацию.

– Вот это хорошо. Главное для вас – выйти из депрессии и начать новую жизнь, оставив прошлое в прошлом.

– Ни минуты покоя? – улыбнулась Мила.

– День на день не приходится. Такая вот у меня сексуальная работа.

– Да, и в жару, и в ненастье.

– Ты это о статье?

– И о статье, и о жизни.

Марта любила свой кабинет, как родной дом. Она всегда жила работой. Особенно последнее время, после похорон мужа. Глаза её сияли привычным загадочным взглядом раскосой чаровницы. Мягкая грация, сдержанный проница-

тельный взгляд, белая шапочка до бровей делали её очень привлекательной для своего возраста. Она, медленно поднимаясь из своего рабочего кресла, подошла к двери кабинета и повернула ключ. Полная, даже несколько тучная в медицинском халате, она очень сильно походила на уточку, симпатично перекатывающуюся с боку на бок. При этом в ней присутствовала царственная изысканность манер, подчёркивающая её непростое происхождение. Каждый жест указывал на то, что в жилах течёт голубая кровь. Многолетний ритуал с ключом точно означал – быть чаепитию под её любимую, ароматную сигариллу. На столе тут же появилась неизменная коробочка восточной похвалы, обожаемая хозяйкой психологического пространства и утверждающей неписаную мудрость, что любая сладость у психолога в кабинете – это гормон удовольствия, не содержащий лишних калорий. Психолог рекомендует: «Предаваться подобному наслаждению в подобном заведении очень полезно».

Закинув ногу на ногу (в этом была вся Марта), она щёлкнула зажигалкой, глубоко затянулась. Мила внимательно на неё посматривала, она знала, что эти приготовления часто сопутствуют сдержанному внутреннему переживанию подруги и настраивают на продолжительный непростой разговор. Характер у Марты Ароновны был достаточно строгим, но мягким. Подобный церемониал, когда требовала ситуация, также помогал ей не сдавать своих непреклонных позиций. Гостья налила себе полчашки ароматного напитка –

время на сигариллу и чай, как правило, совпадали. Первой, разговор начала хозяйка кабинета:

– Еще раз повторяю для таких вот бестолковых. – Сознательно не давая приятельнице заговорить, зная её природное волнение и незащитность, Марта спокойно продолжала их вчерашний телефонный разговор, выдыхая дым тонкими кольцами. – Речь идет о тебе и твоём муже. Ты умная девочка и отлично понимаешь, что это всё серьёзно. Я долго размышляла о нашем с тобой разговоре, думала о твоих мыслях по поводу душевной измены, обиды. Давай поступим разумно. Ситуация глупо и неожиданно выходит из-под нормального контроля. Не сердись. Мне хорошо известно, как ты принимаешь решения. Вот поэтому, – она открыла верхний ящик рабочего стола, достала длинный белый конверт без адресата и получателя, вручила билеты. А потом твёрдо сказала подруге: «Пока не придешь в себя, назад не возвращайся!»

– Что я там буду делать в этой Тмутаракани?

– Ты обязана привести себя в порядок. Слышишь меня? О-б-я-з-а-на, – повторила она по слогам. – Милочка, загорай, дыши, хорошей, набирайся сил. Море всегда на тебя действует лучше всяких витаминов.

– Марта, поверь, я так не хочу лететь туда. Мне комфортно дома, на софе...

– Не лги мне! – Как специалист, я настаиваю на необходимости отпуска и прошу тебя, как подругу, – поверь, тебе

там станет легче...

Последнюю фразу она произнесла с легкой теплотой в голосе и накрыла своей полной ладонью тонкую и во всём беспомощную кисть руки подруги.

– Повторяю. Тебе просто необходима спокойная атмосфера после эмоционального тупика, в который ты сама себя умело, прости, но уже сознательно втягиваешь. Это путь к затяжной депрессии. Войти в неё легко, а выйти трудно. На это потребуется много сил и времени. А нас ждут великие дела! Помнишь, любимую поговорку Ляльки? Там, ты спокойно поразмышляешь, понаблюдаешь, как ты любишь, помотришь на людей, вспомнишь самые важные, яркие события своей жизни, особенно за последнее время. Ты когда последний раз заглядывала в свой девичий дневник?

– Шуточку у тебя! Спросила бы, помню ли я свою плюшевую обезьянку... Я чаще в электронные сообщения пишу, да на деловые письма отвечаю!

– Вот и я о том же. А что тебя может порадовать сегодня, не задумывалась?

– Нет.

– Советую тебе, дорогая моя, пиши в блокнот все счастливые события, радостные моменты, которые происходят с тобой каждый день. Воспоминания. Неплохо бы и на интимную тему...

– Зачем?

– Это детский вопрос. Но объясняю. Мне, как твоему пси-

хологу, надо знать, что тебя радует, что огорчает.

– Даже сны?

– Пошути, пошути, тебе это сейчас полезно. Поспать ты всегда любила... Все! Езжай и пиши. Можешь по электронной почте что-то отправлять для меня. Главное, не переписывай набело: я тебя знаю.

– Зачем?

– А на этот детский вопрос я отвечу позже, – и посмотрела в сторону двери, как бы намекая на окончание беседы. – Когда вернешься, тогда и поговорим.

Марта затушила сигариллу. Она как-то по особенному внимательно посмотрела на Милу и спокойно спросила:

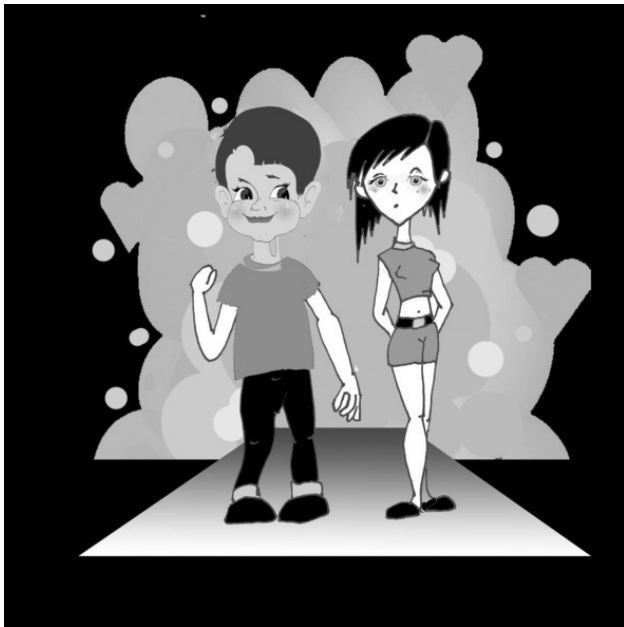
– Как тебе моя статья?

– Если отношениям людей может помешать всего лишь погода, пусть даже аномальная жара, то можно себе представить, каким ливнем страстей решит проблему простой летний дождь. А когда в жару в душе воеет выюга...

– Метафоры из твоих уст, всегда хороши и к месту, – торопливо прервала грустные размышления Марта, и ещё раз прижала своей ладонью руку подруги.

– Ми-луш-ка, всё преодолется и в жару, и в холод. А теперь – море!

Глава 3. Жуков и Настя

Аркадий Сергеевич Жуков вторую неделю работал в своем кабинете на даче. Ему нравилось это специально созданное пространство, нахождение один на один с компьютером и добровольный плен большой домашней библиотеки. Жену проводил к морю. Взрослая дочь – в журналистской командировке. А он в одиночестве наслаждается тишиной и по-

коем вдали от городской суеты и институтских коллег, если не считать серого пса Дыма – дога с грустными, уставшими глазами, сутками лежавшего в саду и дремавшего на старости лет.

Неприхотливость – чаще природная черта мужчины, и тем она замечательна, когда он занят делом. А походы по магазинам и приготовление еды с позиции мужской логики – занятие не первостепенное. «Судьба и на печке найдет», придавая народной мудрости другой толк, любил, подшучивая, повторять своим заботливым домашним женщинам Аркадий Сергеевич. «Язвы и гастриты – болезни злых и алчных. Суждено отравиться – от воды из-под крана пронесет!» Поэтому, не мудрствуя лукаво, он на неделю затоваривал холодильник и ел тогда, когда хотел, и то, что попадалось под руку.

Только для любимого пса находилось время регулярно кормить его неизменно правильным, собачьим кормом. Хотя и корм Дыму тоже закупался на год.

Иногда они вместе гуляли по старому яблоневому саду, нарушая правила общей гигиены, поднимали паданки и грызли по очереди. «То не черви, что мы едим, а то черви, что нас едят», – говорил своему четвероногому собеседнику в таких случаях хозяин, вспоминая бабкины поговорки.

Родом с исконно русской, псковской земли, он часами мог с упоением, искренней непосредственностью и юмором рассказывать о своем послевоенном детстве, голоде, воровстве зерна и картошки с колхозных полей, многокилометровых

походах в школу, зимних возвращениях через лес, встрече с настоящими волками. И, главное, о своём неуёмном желании учиться, выбиться в люди! Про себя он считал, что его мечта воплотилась в реальность: доктор наук, профессор, начальник научного подразделения Академии. Ярлыков у него хватило б не на одного человека, но скобарь ими не кичился, а с большей теплотой вспоминал родню и добрых людей-земляков, с которыми свела судьба по жизни: теток, нянчивших его по очереди и показавших простую науку, как отличать людей плохих от хороших. Деда Вовку, что учил жить в лесу и на речке, бабуку, незаконнорожденную, графских кровей, «накачавшую» его местными пословицами, первого армейского командира, вдолбившего в голову пацана слово «надо». Одним словом, он научился принимать существование таким, какое оно есть. В его представлении, жизнь человек похожа на яблоко с природной корявинкой, которое дерево сбросит первым, а там уж покатишься, как сумеешь. Главное – он любил свою семью.

«Мирская молва, что морская волна», – не раз говорили ему родные тетки. И он вырос уверенным, не исключая важности мнения окружающих. Всё время старался много работать и жить по вживлённому в него с детства внутреннему кодексу мужской чести. Понятно, что совершал при этом простые человеческие ошибки, и уж тогда сильнее крутил жернова жизненной мельницы, перемалывая их в опыт.

– Эй! Есть, кто дома?! – голос за воротами заставил Жуко-

ва отвлекаться от компьютера и подойти к открытому окну. – Дрова!!! Заказывали?!

– Да-да, конечно. Сейчас открою. – По спланированному им самим дню, к вечеру, Жуков свои задачи по подготовке тезисов на ближайшую научно-практическую конференцию выполнил. Машину с дровами он заказал на 18.00 и уже ждал её приезда.

Аркадий Сергеевич, степенный от природы, а теперь ещё и от возраста, спокойно вышел во двор и показал рукой на предполагаемое место за сараем.

– Выгружайте здесь!

Жуков из года в год брал пару кубометров леса. Не столько для камина и баньки, сколько для рубки самих поленьев. Ему нравился процесс заточки топора, подготовка колуна и клиньев. Запах рубленого леса напоминал ему детство, когда с дедом Вовкой они заготавливали дрова на зиму. Так и рубил скобарь в удовольствие, а потом раздавал соседям, что не перетопится за зиму, и вновь заказывал новую партию.

Рубил он сам. С придыханием взмахивая колуном, с гиканьем загонял клинья в огромные пни. «Никакой фитнес не заменит тебе этой физзарядки», – улыбалась ему жена, наблюдая за щепками, летающими по двору. Дочка помогала отцу, подражая его азарту. Всегда с удовольствием собирала в траве мелкие веточки, кусочки коры, которые вместе с садовым мусором вечером сжигались на костре, где

пеклась ароматная картошка. Неизвестно, что приносило ребенку больше счастья: ожидание лакомства в виде картошки в мундирах или поиски маленьких щеп. Но отцу она помогала с искренней радостью.

Только отъехала пустая машина, как в створе ворот появилась компания из трех человек. Симпатичная невысокая брюнетка и два молодых парня, чуть старше тинейджерского возраста.

– Папань, привет! Это я! – раздался звонкий девичий голос.

– А я ждал тебя завтра, доча. – У него заискрились глаза, веселее зазвучал голос. Жуков прижал к груди девушку, поцеловал в щеку. – Что-то случилось?

– Каково семя, таково и племя! Все я успела вовремя, и даже с опережением.

– Молодец, ребенок, – он обратил внимание на спутников, которые так и стояли у ворот. – А это кто? Женихи?! Знакомь!

– Пошла Настя по напастям! Какие женихи, па! Ты что? Эти замечательные юноши вызвались меня проводить через лес. Это Макс и Димон.

– Тимуровцы? Ну-ну, кто еще кого провожал... через лес, который ты как 5 пальцев знаешь. Аркадий Сергеевич, – представился хозяин дома, пожал руки юношам и подумал «Скорее гайдаровцы, судя по возрасту», а вслух сказал – И как, коза сыта и капуста цела?

– Вот эта тема гораздо приятнее. Только в прямой постановке. Я есть хочу – сил нет! На брюхе шелк, а в брюхе шелк. И ребят покормим?

– Я сейчас что-нибудь быстренькое приготовлю, а ты помоги молодым людям нагнать аппетит, – Жуков кивнул дочке на кучу бревен. – Один одонок осияют?

Он вошел в дом, а девушка обернулась к ребятам.

– Дрова колоть можете?

– Элементарно! – отозвался Макс и ринулся за топором. Дима отошел в сторонку и закурил.

Подтянутый, спортивный парень, внешним видом напоминал лесоруба из диснеевских мультфильмов шестидесятых годов. Он лихо подхватил топор, подставил первое попавшееся бревно и с размаху вогнал его в дерево. Топорище жалобно скрипнуло, но бревно осталось целехоньким, только сверху в нем торчал теперь топор. Макс резво приподнял над головой получившуюся конструкцию из топора и не расколовшегося палена, взмахнул руками, опустил его на землю со всей силы. Результат был тот же.

– Я, типа, не въезжаю! Чего ему не хватает? Короче, мне в лом, по ходу. С такой силой я шайбу к Нью-Йоркшине доблю...

– Куда ворона летит, туда она и глядит. А полено ты не разрубил! – девушка засмеялась.

– Ты, это, про колун забыл. – Димон подошел к соседнему бревну. Оглянулся по сторонам и, увидев колун, взял его

в руки. Он приподнял его с большим трудом. Было видно и слепому, что это не его вид спорта. Пальцем руки потер переносицу, поправил очки и протянул орудие пролетариата товарищу. – Попробуй этим. Я в кино видел...

– Нет, мальчики. Не надо! Вороне соловьем не петь. Макс, ты для начала просто попробуй его вынуть из своего бревна, а потом будешь дальше экспериментировать, – девушка потянулась к топору, но парень перехватил её руку.

Он попытался разъединить свою конструкцию, но у него ничего не получилось. Несколько взмахов над головой и ударов по пню, по земле ни к чему не приводили. Максим взмок от напряжения, стараясь показать свою сноровку и силу, но его усилия были также напрасны. Казалось, что железо невидимыми корнями вросло в палено.

За этим занятием ребят и застал хозяин дома.

– Выпейте, друзья кваску, чтобы разогнать вашу тоску. Все у вас получится, я не сомневаюсь, но чуть позже. Вот кружки, бутерброды с чем Бог послал. Угощайтесь! Настя, поухаживай за молодыми людьми. – Аркадий Сергеевич, протянул поднос Диме и Насте, а сам взялся за дело и довольно-таки сноровисто вбил в щель клин, и освободил топор из деревянного плена. Похлопал по плечу шумно дышащего рядом Максима и добавил: – Не суйся прежде отца в петлю. Пойдемте лучше присядем за стол.

– Посидим рядком, поговори ладком, так Вы говорите? – несколько ошарашенный таким приемом, Димон решил как-

то показать себя Жукову.

– Так. Да не так. Каждая зверюшка свою говорку понимает, – профессор отхлебнул немного из своей кружки.

– Только не заводиться! Слово не стрела, а пуще ранит. Это мы с папой сто лет так разговариваем. – Настя жевала бутерброд, запивая его из красивой красной чашки. – Его в детстве бабки да тетки научили всяким пословицам и поговоркам, он – меня. А когда пошла на филфак, то курсовые по литературе через эти пословицы я влет писала.

– Кто словами поспешен, скорее будет повешен! Кушай, ребенок, да не поперхнись так кусать. – Хозяин отложил топор в сторону и подсел к компании. – Пейте господа, квас, а пословицы все про нас. Бывали когда-нибудь в русских деревнях? Кто такие скобари, знаете?

– Это жуки что ли? – обрадовался Макс, который тоже хотел проявить свой интеллект.

Отец и дочь весело рассмеялись.

– Насчет жуков это ты здорово! Наверное, имел в виду скарабея? – Настя поучительно заговорила. – Такой священный черный, слабо блестящий, жук, размером в три-четыре сантиметра и бо-о-ольшими зубцами-зубищами для рытья земли?

– Ну, да. Оговорился. С кем не бывает. Скарабей-скобарей!

– Мы же Жуковы!!! Фамилия у нас такая! – Вся компания начала дружно смеяться, забыв про неловкость с рубкой

дров. – А скобари – это жители псковской области, откуда и пошел наш род, вместе с его пословицами.

Когда все немного отсмеялись, заговорил Макс, похожий теперь на уставшего и сытого лесоруба.

– А ты, правда, в институте учишься?

– Нет! – улыбнулась Настя.

– А как же курсовые? Прикальывалась? – спросил Димон, сняв очки и протирая их носовым платком.

– Да нет же. Чего прикальываться. Я давно работаю, институт уже закончила...

– Жесть, – лица парней вытянулись в недоумении. – А мы думали, что ты, вы – наша ровесница. Класс десятый-одиннадцатый.

– Мне всегда дают лет меньше, чем на самом деле. Это гены предков по линии мамы. Мы с ней рядом как подружки.

– Вот чего я и улыбался: кто кого через лес провожает, – усмехнулся Аркадий Сергеевич.

Ребята быстро допили квас и, взяв по паре яблок, засобирались домой. Настя поднялась в свою комнату, Дым улёгся на веранде, а Жуков взялся за топор. Часа через три-четыре поленья были расколоты на аккуратные чурки.

– Эй, красавица! Картошку проспишь! – крикнул отец, вышедшей во двор Насте.

– Разве такое бывало? – девушка принялась собирать щепы и мелочь, готовя костер. Через час они сидели в саду и уплетали простую деревенскую еду. Измазанные сажей,

в сумраке, озаряемом искрами тлеющих углей, отец и дочь наслаждались прохладой наступившей ночи. Было необычайно тихо в этом удаленном от большого города местечке. Только тонкое стрекотанье сверчка, треск догоревшего костра, да шелест крыльев мотылька, бьющегося в стекло веранды напоминали о том, что ночная жизнь продолжается. Полная луна освещала двор и прихорашивала в вечерний наряд кроны яблонь. Мужчина сидел на самодельной скамейке, а девушка на пне, который специально не выкорчевывали ради подобных посиделок. К нему настолько все привыкли, что считали не переменным атрибутом местного дизайна.

– Когда замуж собираешься?

– Самое хорошее замужество хуже, чем самое плохое девичество... Тебе внуков хочется?

– Почему бы и нет? Засидишься в девках. Знаешь же, что скрасят девку венец да молодец!

– Не за этих же мальчиков мне выходить!

– Что, у тебя парень появился?

– Суженого и на свинье не объедешь! А я с Толиком рассталась... Зануда он.

– Это тот курсантик?

– Ага. Он уже лейтенант давно.

– Как время летит...

– Па, ты лучше расскажи, как вы с мамой встретились?

А то мои поиски суженого-ряженого какие-то бесперспективные.

– Хочешь по родительскому пути идти? Так не бывает... У каждого своя колея. Да и ты эту историю уже знаешь...

– А все-таки. Мама рассказывала свою версию лет десять назад. Что я тогда понимала. Ты её нашел, или она тебя?

– Без притчи человеку веку не изжить... Слушай. Может быть, правнукам расскажешь «семейную легенду». – Он откинулся на спинку скамейки, мечтательно прикрыл глаза, как будто напрягая память, медленно стал рассказывать:

– Я уже преподавал в академии. Вёл семинары, практические занятия. Иногда выступал на ученых советах. Май, тогда, – он сделал паузу, – утопал в цветку сирени и яблонь. До начала очередного совета оставалось несколько минут. За это время мне необходимо было посмотреть кое-какие бумаги, и сказать пару слов парню, у которого я был рецензентом. Как раз у входа в аудиторию, куда я спешил, стояла группа молодых людей, среди них был и мой подопечный. Рядом с ним стояла девушка с длинными пепельными волосами.

– Это Милана, моя девушка, – сказал парень, и первым, от волнения, протянул мне руку для приветствия.

Как сейчас помню, в руках у неё было красное яблоко. Она переключивала его из одной ладони в другую, не зная, куда его деть. Видно было лишь, что и она волнуется.

Я поздоровался, и мы пошли с ним на кафедру.

– Она очень любит яблоки, – продолжал он, всё, также смущаясь, не понимая нелепости своих озвученных мыслей.

– Какое необыкновенное имя... Милана. Хорошо, нарождает тебе здоровых ребят. – Я быстро пробежал глазами текст, сделал поправки, сказал ему свое мнение и убежал к членам совета.

Людей в зал заседания набилось немало. И в фас, и в профиль просматривались лики именитых представителей нашей науки. Их присутствие, реплики, мнения ценились не только молодыми учеными, но и степенными коллегами. Защита моего юного друга, прошла блестяще, а вот я, потерпел фиаско. Никогда не ведомо, где обретёшь, где потеряешь. Вполне сносно владея тонкостями ораторского искусства, прирождёнными и приобретёнными хитростями изложения материала, я занял удобную позу, начал своё выступление. После нескольких умело заготовленных заранее фраз, поднял глаза и обратился к аудитории. Есть такой интересный психологический прием, когда привлекаешь внимание аудитории к себе, а не к тому, что говоришь.

Что было дальше, не вспомню и сейчас. Внимание я привлек настолько, что и сам был не рад. И строчки, и мысли, и слова улетели безвозвратно. Я их попросту не видел. Я видел только твою маму. Которая тогда ещё не знала, что станет моей женой. А я этого страстно захотел.

Прямо передо мной, где-то в третьем ряду, с краю, сидела девушка и смотрела лазурными, как небеса, глазами, а в сердечке её рук лежало яблоко. Она сидела как-то отстраненно от всей аудитории, в её манере было что-то из другой да-

лёкой культуры. Это потом, я узнал о её аристократических итальянских корнях. Взор был ласковый, нежный, и в то же время живой, зовущий, горячий, овеянный ошеломляющей тайной. Он заморозил меня на всю жизнь. Это был подарок судьбы. Мы встретились взглядами...

– И что? Сразу любовь? – У Насти заблестели глаза.

– Как ты похожа на Милу, только черноглазая, – Аркадий Сергеевич был интересным рассказчиком. Многолетний лекционный опыт, телевизионные и радиопередачи научили его многому. – Парадоксальность вещей в нашей жизни непредсказуема. То неудавшееся выступление теперь живёт во мне гениальной простотой маленькой женщины, воплощенной в мою вечность. А её глаза, это самое высшее счастье, я вижу и во сне, и наяву....

– Так она была невестой того самого аспиранта?

– Да-а, нет. Это он был в неё влюблён. Но судьба соединила нас...

– Лихо. А ты ни разу не пожалел?

– Разве можно такие вопросы задавать родителю?

– А почему нет?! Я же дочь, которая ищет свой путь. К тому же в последнее время я вас с мамой вижу не часто...

– Ты лучше мне ответь, как ты чуешь рубку дров и почему любишь собирать щепки?

Менять тему разговора девушке не хотелось, но зная отца, она не стала настаивать. Захочет – сам расскажет. Поэтому она улыбнулась и ответила:

– А вот это – уже гены твоих предков!

– Да уж! – улыбнулся отец.

– Шучу. Мне рядом с костром и с тобой всегда хорошо...

– Ладно, ребёнок. Пора спать собираться. – Он поцеловал дочь. – Ты ложись, а я ещё поработаю.

Аркадий Сергеевич поцеловал Настю и отправился к себе в кабинет.

Жукова немного взволновала тема о взаимоотношениях с женой, затронутая Настей. С одной стороны, ничего не было страшного в том, что последний месяц они редко видятся с супругой. Он готовится к конференции, она уехала к морю, спасаясь от небывалой жары. Дышать в городских условиях достаточно трудно, потому и разбежались. Вся страна спешит в тень. Не только они. Но и до пресловутой жары она ссылалась регулярно на головные боли и непонятное недомогание. Предшествующий период отличался частыми командировками жены. Чуть раньше сам Аркадий уезжал за границу читать лекции. Несложная арифметика подсказывала, что интимных отношений с Милой у него не было как минимум полгода! Что-то тут не так... Не возрастные ли причины кроются за подобной ситуацией? Вроде бы нет. Она только вступает в так называемый климактерический период. Он сам чувствует себя неплохо.

Аркадий, заставший сам себя врасплох, как-то неестественно напрягся от подобной мысли. Он вдруг решил посмотреть в мировой паутине на эту ситуацию, как ученый,

причем ученый-исследователь, так как всегда старался докопаться до истины. И теперь, когда Настя, озвучила ему его проблему, он, решил взглянуть на всё это со стороны, в первую очередь, для того, чтобы отогнать от себя тревожные мысли. Внутренний голос подсказывал, что он не владеет достоверной информацией, и, как подраненный зверь, поплёлся к компьютеру.

Несколько часов в Интернете ничего ему не разъяснили, но он нашел сайт интересного содержания. На одном из форумов высветилось множество проблем, с которыми сталкиваются сильные мира и их слабые половины: жены, подруги, любовницы. Оказывается, проблема отсутствия секса с женой – одна из самых популярных. Причем, множество советов от посетителей сайта, друзей-форумчан, случайных людей казались достаточно обоснованными и вескими.

Это очень удивило, так как подобная ситуация была для него личной, интимной, неприкосновенной. Ему-то казалось, что у остальных все нормально. Не тут-то было. Рассказы про любовников, тещ, родившихся внебрачных детей и прочих помехах, мешающих жить в согласии с любимой женщиной его подтолкнули к необычной идее. А что если написать письмо на этот форум и, получив ответы, попытаться найти решение, которое требуется ему? Вдруг кто-то подскажет?

Он испугался случайной мысли, но как-то инстинктивно почувствовав свою беспомощность, объединив себя с неви-

димыми судьбами чужих людей, подумал: «А вдруг?!»

За окном, как на сцене, над кронами старых деревьев торжественно висела полная луна, высвечивая его душу. Собравшись с мыслями, Аркадий Сергеевич зарегистрировался на сайте, сочинил короткое обращение, с целью не столько рассказать о себе, сколько спровоцировать людей на ответ по данному письму. Написал и отправил. Резко, будто что-то украл, он выключил компьютер и пошел спать. Долго ворочался с боку на бок, не раз вставал попить квасу. Было непонятно, от жары ли к нему не шел сон, или ситуация, мысли о которой он прежде не подпускал к себе, так его взволновали. «Дочура – вся в него! – намекнула. А права: они с Милой редко стали бывать вместе».

Ему опять вспомнились трепетные минуты давно забытой первой встречи, но как-то со стороны, словно они были не с ним. Это ещё больше взволновало его, не давая заснуть до самого утра....

Глава 4. Мила на юге

На побережье у «Высокого берега» было прохладно. Балконы отеля с разноцветными маркизами прикрывали каменные, как исполины скалы, уходящие за горизонт. Простоте и мудрости проекта здания завидовали все местные жители и туристы соседних пансионатов. Мила сняла большие черные очки и зацепила их поверх шляпы. Слегка при-

щурившись от солнца, она взглянула на распростёртое перед ней побережье. Пёстрые купальники отдыхающих лежали на берегу, как огромное, лоскутное одеяло. Вдалеке одинокая чайка сорвала с гребня волны мелкую рыбёшку, резко взмахнула крыльями, унеслась за горизонт. «Холодная пива, риба, раки, горячая кукуруза, только что с кипятка...» – громким голосом кричала местная девушка. Уверенно шагая по кромке прибоя, она несла тяжёлую корзину с продуктами и часто оглядывалась на семенящего рядом с ней мальчика. Тот еле волок неподъёмную для него сумку, но умудрялся, как и его мать, шагать без брызг и не загребать песок ногами.

Ветер заигрывающим порывом играл с волнами и полями дамской шляпки. Неожиданно для хозяйки, он сорвал её вместе с очками и уронил на землю. Мила не была настроена вторить его шалостям. Спокойно, даже как-то отрешенно она достала из сумочки маленькое зеркальце, взглянув на себя, убрала случайную песчинку со лба, подняла очки и усмехнулась. «Неужели я здесь?» – подумала женщина, вспоминая недавний разговор с подругой, в прямом смысле выпихнувшей её на этот берег. И словно в плеске волны вновь услышала уверенный мягкий голос Марты: «Купайся, отдыхай, хорошей».

В задумчивости её глаз отражалась голубизна моря, а солнечные зайчики, что отпрыгивали от волн, гасли в грустной радужной оболочке. Любые события в жизни представлялись для Милы, как метафорические пазлы, всегда необык-

новенно яркого или тусклого цвета, они вплетались в полотно её сознания и в отношения ко всему происходящему. «Марта была права, когда отправляла меня в это захолустье. Именно здесь я смогу собраться с мыслями», – неожиданно для себя подумала женщина. «Хорошо, подруга, – она сделала некоторое усилие для улыбки. – Пусть море и солнце помогут моей подвижной психике». Быстро освободив себя от пляжного наряда, мелкими перебежками зашагала к воде по горячему песку. Шляпа так и осталась лежать в своём одиночестве.

Тёплая волна весело подхватила женщину в объятия своей стихии и закачала её в нежной колыбели вместе с печальной грустью, томящейся в её груди.

Не бояться воды и спокойно держаться на волнах научил жену Аркадий. Только в его сильных и нежных руках она смогла перебороть страх к воде и научилась плавать, по особой, только им знакомой методике. Теперь, когда она входила в воду, всегда с улыбкой вспоминала эти уроки. Накупавшись вдоволь, как рыбка, Мила вышла из воды и побрела по береговой кромке, наслаждаясь лёгким ветерком, ласкающим её наготу. Она наклонилась, чтобы поднять с мокрого песка большую, выброшенную из моря медузу и шляпу, перекатывающуюся клубком. Выпрямляясь, ее взгляд вдруг задержался на необыкновенном зрелище.

Неподалёку стоял одинокий седовласый старик в чёрном костюме, в шляпе, с рыженькой эспаньолкой. На какое-то

время ей даже показалось, что она стоит перед витриной у огромного витража, где установлен мужской дорогой манекен. Тень от большого камня скалистого берега падала до самого края морской излучины, укрывая фигуру человека от палящего зноя. Было видно, что глаза его закрыты. В правой руке он держал трость, которой чертил на мокром песке небольшие круги и волнистые линии. Или вдруг становился неподвижным. В такой момент, опираясь всем телом на трость, незнакомец как-то весь собирался в известную только для него торжественность. Из-под рукава хорошо была видна манжета белоснежной сорочки. На ней ярким пятном сияла серебристая запонка. На шее, вместо галстука, повязан элегантный, в тон шляпы платок. На ногах были надеты классические старые туфли английского фасона, уже не в первый раз замоченные морской водой. «Так можно стоять только перед алтарём» – подумала Мила, – как он стоит перед бескрайней полосой горизонта».

Заворожённая от увиденного она направилась к своему шезлонгу.

– Интересный экземпляр?! – спросил как будто бы знакомый женский голос, заставивший Милу обернуться и немного собраться с мыслями. – Большинство местных относятся к нему с большим почтением...

– А вы, вероятно...?

– Лиза. Вы меня вчера вечером видели. Нет, я нездешняя. Работаю только в летний сезон. Они, – женщине очень хоте-

лось во всех красках рассказать легенду этих мест, – говорят, что его жена уплыла в море и не вернулась. Но старик ждет её уже не первый год. Приходит в одно и то же время на это место у камня и стоит часа по три-четыре. Потом уходит...

– Он её так любит до сих пор?

– Не знаю. Ещё, говорят, его жена изменила с другим, который и увез её. – Горничная поставила перед Милой полный бокал холодной воды с кубиками льда и долькой лимона. – Может быть, он её и ждет потому, что просто хочет отомстить за обиду – прирезать или утопить...

– Пусть это будет притча о вечной любви, над которой не властно время, – ответила Мила и ещё внимательнее посмотрела на мужчину.

Что-то общее было между этим незнакомым стариком и её собственным мужем. Бородка... Какое-то необъяснимое внутреннее сходство тоски, которую она последнее время наблюдала у Аркадия... Эта мысль заставила Милу разволноваться: «Хочет отомстить? Может быть, она уплыла и утонула? И он ждет её возвращения? – продолжали звучать в голове слова горничной – А может быть, он преодолевает свой неведомый порог? Она села на край деревянного лежака и ещё долго и неподвижно смотрела вдаль на таинственный силуэт человека у моря.

Первое, что пришло в голову, как ни странно – мысли о счастье.

Счастье с Аркадием было много лет долгим и безоблач-

ным. В её жизни он был первый и единственный мужчина. Правда, было еще одно сильное детское воспоминание счастья – чувство к мальчику. В шестом классе, она тайно любила своего одноклассника. Но этому чувству не суждено было сбыться. Милана проучиться с ним всего один год. Отца перевели в другое место по службе. И потом долгое время её семья жила за границей. На память от него у неё осталась лишь маленькая картонная фигурка тонконогой лани, вырезанная тем маленьким мальчиком и какая-то неведомая тоска неразделённости и тайны таких взаимоотношений. Изящная, с тонкими копытцами, бумажная безделица по воли прозорливой судьбы или чего-то ещё, до сих пор была похожа на свою хозяйку, уже не молодую женщину и давно жила в шкапулке воспоминаний. Сегодня, когда отношения с мужем зашли в незнакомый для неё, а, по словам друзей и Марты, в сексуальный возрастной тупик, она почему-то часто вспоминала тот класс и свое переживание. Иногда в фантазиях она рисовала образ этого мальчика, на память о котором сохранилось только фигурка лани. Ни одной фотографии, письма, номера телефона, информации о его судьбе...

Тоска и одиночество незнакомо-старика на этом чужом морском берегу лёгким бризом перенесло парус сознания в далёкое детство. Вот если бы повстречать того мальчишку и рассказать ему всё, что случилось сейчас в её жизни. Просто рассказать ничего не утаивая, без сопоставлений и умных размышлений.

Мила сама себе улыбнулась: «А вспомнит ли он ту девочку с длинными русыми косичками? – Женщина поправила завернувшуюся от ветра циновку, легла на лежак. – Я бесповоротно старею».

От увиденной картины, сердце не переставало плескаться в эмоциях, но солнце, морской воздух, вода, как наркотик уводили в царство убаюкивающего Морфея...

Мила неожиданно для себя проспала больше получаса. Когда она проснулась, на месте у камня, где стоял старик, в пустом пространстве бушевали только волны, единственные свидетели его горькой судьбы. В первые секунды она подумала, что ей всё это привиделось во сне.

– Он ушёл сегодня рано, значит, в ночь будут сильные волны, – голос, который как будто подслушал её мысли, вновь вернулся на землю. Горничная сворачивала пледы и убирала пустые стаканы, использованные от сахара обёртки, брошенные отдыхающими на некоторых лежаках.

Желудок заиграл знакомую мелодию попрошайки. «Надо бы подкрепиться», – подумала Мила, быстро набросила на себя лёгкую накидку в стиле пончо, прошла к ближайшему открытому кафе, откуда доносилась приятная мелодия. Людей было немного. Она присела за дальним столиком, под ветками густых каштанов. Прежде, чем сделать заказ, Мила попросила официанта принести для неё порцию ванильного мороженого и кофе.

В кафе тихо звучал саксофон. Молодой музыкант испол-

нял мелодии её юности, и с нежностью смотрел на стройную улыбающуюся брюнетку. Вокруг тихо звучали голоса, размо- ренных жарой посетителей. Они немного вальяжно сидели в своих удобных плетёных креслах, пили южное вино – кто из бокалов, кто из пластмассовых стаканчиков – и размерен- но беседовали друг с другом.

Мороженое оказалось очень холодным. Мила отставила креманку в сторону, она любила, когда оно немного подта- ет, и предалась своему любимому занятию – наблюдать и ду- мать.

– Милочка, вы не желаете составить компанию на пару минут? – обратился к ней мужчина в белой футболке и разом прервал ее любимое занятие. На шее у него несколько стран- но был завязан платок. Было не совсем понятно, бережет ли он майку от грязного пота или закрывает шею от палящего солнца. Бармен за стойкой, улыбнувшись фразе мужчины, еще усерднее стал протирать бокалы и поглядывать в их сто- рону.

– Разве мы с вами знакомы? – женщина взглянула на него и подумала, – «вот такими и бывают бабники».

– Вы недавно в этих места, мадам? – он без разрешения сел напротив.

– Если Вы знаете, как меня зовут, то, причём здесь «ма- дам»?

– Почему Вы решили, что я Вас знаю?

– Вы же обратились ко мне по имени...

– Лыжню проложили мимо вас! – он не дал ей закончить фразу. – Странно. С таким чувством юмора и я вас не знаю? – задал вопрос, а сам посмотрел в сторону входной двери.

В кафе зашла миловидная блондинка и села за отдельный столик с надписью «заказано».

– Извините, – не дожидаясь ответа, кивнул он, – но мы с вами еще общаемся, а вот этой даме завтра уезжать.

– Как говорят англичане: «Первое впечатление нельзя произвести дважды», – съязвила она.

– Правильно говорят. А вы, и милы и умны, не растерявшись с ответом, – ответил незнакомец в лукавой улыбке.

Он встал из-за стола и пересел к блондинке.

«Точно бабник, – про себя подумала Мила и сделала глоток кофе. – Везет мне на них, как аллергикам на ос».

За стол с блондинкой и «бабником» подсели еще пару мужчин.

– Первый тост за великое чувство!!! – поднял бокал тот, что справа.

– Нет. За единственное русское имя, которое заканчивается на мягкий знак! – стал спорить его сосед по столу.

– Орлы, хватит петушиться: мы пьем за прощание с Любовью!!! – «бабник» налил в бокалы шампанского и мужчины встали по-гусарски. Все они вели себя как старая и давно знакомая компания, разрастающаяся на глазах. Тот, что в платке, приглашал за столик всех знакомых в этом кафе, за-

казал еще вина, приставлялись столы, стулья. Отдыхающие быстро развеселились и громко заговорили тост за тостом, часто перебивая друг друга.

«Вероятно, девушку зовут Люба и прощаются они с ней, а не с любовью?» – тихо обратилась к себя Мила.

На стене у барной стойки висела плазменная панель большого телевизионного монитора. Корреспондент эмоционально и громко вёл свой репортаж о небывалой жаре в центральных регионах страны: «Горло перехватывает невидимая, жёстко сомкнувшая пальцы рука, дым застилает глаза, они плачут, по щекам, ручейки слёз уносят счастье, горизонт души полыхает пожаром, люди бегут на работу, закрывают мокрыми платочками рот, теряя гвоздику на асфальт. Они хотят спасти свою жизнь, свою любовь. Этот зной все запомнят надолго. Лето мокрых простыней, душного смога и душевной безвыходности.»

На экране спасали любовь, с Любовью в зале кафе громко прощались мужчины, о своих любимых тихо вспоминала женщина. Грустные мысли, как пчёлы, роились в её голове под весёлый звон бокалов незнакомых людей; они звучали, словно по задуманному сценарию, донесшейся с экрана метафоры, в самый раз сгодившейся для статьи подруги-психолога.

Мила несколько раз пересеклась взглядом с человеком в платке, «бабником», сидевшим напротив. Нет, скорее, он не сидел, а возникал перед ней. Он всё время двигался: вста-

вал, садился, снова вставал. Она видела его впервые, а в голову, от тяжёлых, как подол длинного платья думок, лезли до абсурда глупые, банальные вопросы: «Почему с ним всем так легко? Откуда идет эта завораживающая энергия? Дежавю?»

Перед уходом она поинтересовалась у бармена, который все также усердно полировал тканевой салфеткой бокалы.

– Не подскажите, любезный: «Кто этот человек?»

– Это наш хозяин, – невозмутимо, но с какой-то гордостью за своего начальника, ответил тот. – Его все знают и он всех знает. Его все уважают и он всех уважает.

– А почему?

– Потому что он всех любит! И его все любят...

– Радость, – слово как-то вырвалось само собой.

– Что, что вы сказали, милая девушка?

– Радость!

Мила загадочно улыбнулась, вспомнив строгий наказ Марты. Игриво прищурившись, натянула на глаза свою любимую шляпу с волнистыми, как морская волна полями и очаровательным цветком из семи лепестков (Аркадий привёз ей это чудо из Италии). Раскованно, по- южному, давая ласкать своё тело летнему солнцу и воздуху, медленно зашагала в отель по тяжёлым прохладным ступеням.

«Ой! Какая всё-таки радость от такой прохлады»...

Лето в этом году выдалось не просто жарким, а аномально жарким. Прогнозы синоптиков о глобальном потеплении сбывались более чем на сто процентов. А воздух прогревался так, как будто бы всё вокруг превратилось в одну микроволновую печь.

Продолжая подниматься, считая ступени, по детской ещё привычке: «Пятая! Здравствуй, радость! Шестая, заблудилась ты не в радость. Седьмая, где теперь найду тебя?» – скороговоркой напевало её подсознание. – «Семь ступенек – счастливое число», – подумала Мила и повернула ключ.

Комната была просторной, в ней было много воздуха оттого, что вся необходимая мебель умело, с хорошим вкусом встроена в стены. «Ничего лишнего. Это я люблю. Это тоже радость», – как бы отчитываясь в очередной раз перед Мартой, и от этого, рассмеявшись в голос, проговорила и крутанулась перед огромным от пола до потолка зеркалом, которое было обрамлено в резную под старину тяжёлую раму, предававшую всей комнате вид торжественный и даже слегка помпезный.

От своих природными корнями, уходивших в далёкое католическое и славянское прошлое, Мила унаследовала слегка взбалмошный, но в тоже время спокойный и задумчивый характер. Несмотря уже на немолодой возраст, в ней, как и раньше, легко уживались девочка и женщина. Бабушка часто шутила над ней: «Ах, Мила! Мила! Когда ты станешь взрослой? Да! Рижанка – не итальянка. Может быть, рим-

лянка, может, славянка». Что она имела в виду?

Прабабушка по линии матери принадлежала к старинному итальянскому роду, была единственной дочерью в семье и единственной наследницей. А бабушка, вышла замуж за известного рижского революционера, военного лётчика, который своими корнями тоже переплетался, но уже с коммунистической Италией. Мила же родилась в Риге и впитала от этого города всю тишину и загадочность узких улочек, манерное изящество высоких шпилей, овейное рыцарскими преданиями и легендами. Одним словом – не римлянка, и не славянка.

В номере слегка шумел кондиционер, что заставило рижанку переключить его режим. Мила накинула на плечи уютный шёлковый шарф и вышла на балкон. Перед ней открывалась безбрежная панорама морской стихии, издалека доносились едва уловимые звуки курортного городка, как небольшой намёк на присутствие цивилизации. Всё, что окружало, должно было радовать глаз и настраивать душевные струны на хороший позитивный лад. Но чем больше она смотрела на безграничную даль моря, тем всё дальше мысли её уходили к гениальным строкам поэта, которого очень любила: «Безвыходность тоски вдвойне с пустыней моря схожа». Воспоминания опять тяжёлым камнем навалились на сердце. Она приехала сюда, чтобы не оказаться в затяжной депрессии, так, по крайней мере, говорила её психолог. Вместить жизнь человека, отношения в психологиче-

ские термины – не сложно. Найти ответы на свои вопросы бывает намного труднее.

Она мысленно ещё раз обратилась к морю: «В чём же моя безвыходность?» – и веер сознания опять раскрыл все складки происшедших за последнее время событий и вопросов. «Зачем в моей жизни произошла эта нелепая встреча? Этот безумный поступок, не вызвавший никакого сожаления, настолько же стыдный, насколько и притягательный, до конца указавший на тупик отношений с мужем?»

Вопросам не было конца, а ответ не приходил.

День клонился к вечеру. Полоса горизонта от солнечного света разливалась калейдоскопными радужными бликами. Море несло на берег теплую, бархатную прохладу. Природа и люди лениво и разморено принимали эту обволакивающую теплоту.

Балкон закрывать не хотелось. Мила отключила кондиционер, сбросила с себя легкий, летний наряд, подошла к зеркалу. Отражение, как в сказке, ещё раз убедило её в неувядании своей женской красоты. Она нежно коснулась рукой тёплых от солнца волос, резко в голос выдохнула, и скользнула на огромную кровать под мягкое, хлопковое покрывало.

Очень хотелось подремать, но сон как-то не шёл.

И опять зарассуждалось, задумалось.

Шагнуть можно к счастью, а можно и в пропасть.

Как она оказалась в чужой квартире, также как и в бильярдной, она до сих пор не могла понять, а уж тем более

объяснить. Внезапное осознание своего бессилия перед миром надутой роскоши и криминала, как «невидимая, жёстко сомкнувшая пальцы рука» со слов услышанного в кафе репортажа, не давало спокойно дышать и пугало своей неизвестностью. Что теперь станет с моей жизнью, свободой? Из головы не выходил бильярдный щёголь, который пытался завладеть ею и, что самое ужасное, был довольно близок к успеху. Эти незамысловатые комплименты, страстное дыхание за спиной неотвратимо подталкивали её к безумному, грязному в её представлении поступку.

Чувство желания мужчины, впервые испытанное к Аркадию, когда она полюбила и всеми женскими ниточками сотканного душевного естества потянулась к нему, в последнее время как-то стало ускользать. Сначала в недомолвках, потом глупых претензиях, раздражениях, порой совершенно не имеющих под собой никакой почвы, вдруг внезапно, без объяснений, исчезло, как под ветром от сильного сквозняка.

Случайный очень близкий шепот незнакомца, чем-то похожего на Рета Батлера, стыдно всколыхнул силу внутреннего влечения, и чуть было не толкнул к глупому и ненужному поступку. Хорошо, что она не упала в этот омут с головой! Хотя нота сожаления, поселившаяся немного ниже солнечного сплетения, и сейчас предательски звучала в её теле, обрывая дыхание своей откровенностью. Как шар на бильярдном столе в ловких руках игрока, женщина могла улечь в чужую лузу. Но игрок, который ставил на неё, проиг-

рал своё пари.

Она сбежала. Да, но щёголь остался! Он наверняка её ищет. Как говорит Марта, с криминалом не шутят: «Пацан сказал, пацан сделал». Если эти бандиты так рассуждают, значит, так и есть.

Недавние воспоминания не отпускали. Даже под уютным покрывалом, она всем телом опять почувствовала свою беззащитность. Кадр за кадром воссоздавались все детали и горькое ощущение той ночи. Она в незнакомом районе города, под дождём, стоит, ждёт такси. Тяжёлые капли и свистящий до перепонок ветер, размытым светом незнакомых окон, как с вышек сторожевых прожекторов, рассекает и расхлёстывает всё её тело на куски. А весь мир в зашторенном кольце, смотрит на неё и на её поражение в любви.

«Дин-дон»! – звон весёлого колокольчика оповестил, что пришло сообщение. Мила быстро, как будто, спасаясь от урагана тяжёлых мыслей, выпорхнула на балкон, где на столе оставила свой мобильный. Она открыла крышку и прочитала: «Радость!»

Своё сообщение Марта сопровождала улыбающимся смайликом.

Каждое событие жизни и каждое психологическое переживание несёт нам добро и зло одновременно – это жизнь. А когда человек живёт лишь одним прошлым, у него нет будущего. Психологи и философы говорят, что на прошлое надо смотреть с благодарностью, на будущее – с надеждой,

а жить нужно настоящим. Ей вспомнились последние наставления и рекомендации Марты перед дорогой.

«День проходит, я не записала свои радости», – спохватилась Мила. По складу своего характера она была человеком ведомым и исполнительным. Быстро накинув халат, побежала принять прохладный душ, чтобы с чистым телом и совестью прописать свою радость прожитого дня.

Маленький стол стоял у окна с видом на аллею высоких деревьев с интересным названием «Японская Сафора».

Через несколько минут, на первой станции ровным женским почерком появилось несколько строк:

«Солнечный приветливый юг, пьянящий аромат морского воздуха, перемешанный с запахом безопасности отдыхающих, запахом сладкой ваты, кукурузы, и лёгкий дымком от шашлыка на мангале, тёплое море, яркий платок на шее незнакомца...»

Глава 5. Бильярд

– Сударыня, ведомо ли вам, что кисти ваших рук и строение ключицы имеют правильную классическую форму? – голос словно возник неоткуда. Мягкие, чужие губы коснулись тыльной стороны женской ладони. На мгновение незнакомец задержал их у ямочки запястья, невидимым ловким жестом, умело скользнув до локтя горячим ртом, добавил ти-

хим и манящим голосом. – И зачем, вам стесняться свою маленькую грудь?

Как от искры электрического тока, автомат сознания на мгновение отрубил всё тело. Когда женщина пришла в себя, чары тайного поклонника растворились вместе с ним. Вокруг царила привычная атмосфера презентации. Лишь в глубину зала от неё удалялся ничем неприметный на вид силуэт невысокого мужчины, а навстречу, развеваясь всем телом, неслась знакомая женская фигура.

Подруга Милы, заручившись своей большой грудью, навела мосты для совместного проекта с главным организатором выставки. Пофлиртовав, как требовал этикет мероприятия, Лялька подлетела с двумя бокалами шампанского. Раскрасневшаяся, горячо дыша зарпортовала:

– Милочка! – они сдвинули бокалы: «дзынь»! – Мосты к «Аллее» и к моему женскому счастью подведены! Теперь лишь – твоё нежное благоухание крылышек. (Лялька называла подругу бабочкой, а Мила её, Павушкой-Красавушкой, она действительно была аппетитна, хороша и величава). А уж потом вступит в бой тяжёлая артиллерия бизнес-плана и техническое задание на моей великолепной груди! Дело сделано!

– Что?

– Что, что. Договор на землю для твоей «Эротической аллеи» можно считать подписанным! Вот что!

– Очень хорошо.

– Минуточку, Милушка, бутерброд не свежий? Или смог на тебя так действует? Договор на землю говорю, считай, что подписан! Но, конечно, мне, опять же придётся положить своё трепетное богатство на стол этому папочке. – Она гордо выставила свою грудь вперёд. – Пусть порадуетя, вспомнит пору грудного вскармливания. А уж я постараюсь, как говорит одна моя хорошая знакомая, завлеку любовью, удержу – пороком! Кстати, позитивный психолог. А как стану отнимать! Ох...

Женщина глубоко вздохнула, воображая прощальную сцену. Лялька поступала в Щуку, подавала большие надежды, а вот с режиссёрами и личной жизнью как-то не задалось. На богатое тело есть и были желающие, но душа у подобных особей всегда в оковах или кандалах.

– Уж, помажу перцем, – улетая вся в эротические фантазии и артистический непрофессионализм, продолжала, – потерзается голубчик, когда стану отнимать-то! Они же все считают нас игрушками в своих руках, забывая, что «люлька мужчины стоит на его мо-ги-ле».

Пышногрудая красавица на минуту прервала свой пылкий монолог, звучно щёлкнула пальцами перед глазами подруги.

– Я смотрю, ты никак не фокусируешь? Мы зачем сюда пришли?

– А, между прочим, у меня, Красавушка, грудь классической формы.

Женщины, загадочно улыбаясь, покрасовались друг перед

другом, незаметно примеряя своё богатство в глазах окружающих.

– Нет слов! Все-таки ты – в теме. Я полетела, мне не досуг и не до сук, есть ещё и объекты, и субъекты. Выйдешь из коматозной прострации, вникай в приятное общение... Грудь у неё классической формы. Ха-ха! Ну, подруга!

Презентация первого дня подходила к концу: поклоны откланялись, визитницы полны. Вся публика, ещё слегка возбуждённая, стала потихоньку расходиться. Лишь в соседнем зале, где стояли бильярдные столы, по-особенному оживлялась атмосфера.

– А вот эти милые дамы поболеют за меня! – заглушая гомон суетившихся людей, раздался громкий мужской голос.

– У меня серьёзная партия! – провозглашал незнакомец, уверенно двигаясь прямо на девушек. Он широко возносил руки к небу, как будто обращался к небесам: «Вам необходимо быть рядом! Поддержать незаслуженно забытого гения!» Каждое его слово грохотало, как раскат громового разряда.

Лялька всё же успела спросить:

– Что за тип?

– Полагаю, один из известных патологоанатомов человеческих душ и больших специалистов по классическому строению тела, – также быстро ответила Мила, и при этом сделала шаг навстречу мужчине.

– А без метафор можно? Найдешь меня на втором этаже, в соседнем зале. Необходимо заручиться ещё некоторой под-

держкой.

– Хорошо. Отзвонись мне, Ляль.

Есть игры, способные захватить участников и зрителей своей особой остротой и накалом так, что оторваться от подобного зрелища часто не представляется возможным ни тем, ни другим. Бильярд – игра интригующей тайны, долгое время ютившаяся в мире трактирных трущоб и постоялого быта, благодаря преданной любви профессионалов и дилетантов сохранилась и перешла в неотъемлемый классический атрибут жизни богатых отелей и игорных домов, став со временем зрелищным, элитным видом спорта. Она родила своих неповторимых классиков и артистов этого жанра. Дух бильярдного мира напитан гармоничной статикой и элегантным движением. Люди, как шары, то неподвижны, то стремительны и резки. Они всегда под прицельным светом ярких ламп, уверенно скользят длинными киями, двигая их по гладкому телу зелёного сукна. Игроки и болельщики скупороняют слова и эмоции. Уверенные в себе профессионалы с собственными киями отточенными движениями передвигаются вокруг стола, как артисты на сцене. Каждым ударом они доказывают сопернику неотвратимость его поражения. А себе внушают обязательную победу.

Но это – игра. И как в любой игре неминуемы ошибки

и случайности, где всё влияет на исход событий: мастерство игроков, характер и настроение, качество сукна, привычка к залу и погода за окном. А прежде всего удача! Фортуна... Именно она благоволит при обоюдном равенстве соперников, дает кураж и точность удара, позволяет быть оттяжке и отскоку, непредсказуемо останавливает шар. Если артист может, то и с кия сделает всю партию, а не повезет, то одной ошибкой может лишиться себя состояния либо попасть в долговую яму. Ещё со времен Лемана известно: на чьей стороне окажется удача, не знает никто. Противники приманивают её разными бильярдными «снадобьями», талисманами, болельщиками, тщательным мелением наклейки кия, острым словечком или демонстративным молчанием. Каждый знает, когда и кому молиться, кого просить, на что ставить...

Этот бильярдный матч, на который случайно попала Мила, не был классическим в привычном его понимании. Играли в «московскую». В три партии, с судьей и ставками. Но! Стол был рядовой 12-футовый, каких в последние годы можно было найти в любом клубе, зале, даже кинотеатре. Правда, выверенный и не совсем сокрушенный. После того, как телевидение показало несколько международных матчей, организаторы подобных заведений перестали ограничивать число зрителей. Порой продавали входные билеты и делали из серьезной игры этакое бильярд-ШОУ. Кому-то это нравилось, кому-то нет. Многие профессионалы старались вовсе не ходить в такие заведения.

Милана, охваченная гоним природного чувства, влилась в это шоу вместе с волной любопытствующих зрителей. Звонкий голос маркера оповестил всех присутствующих:

– Господа! Занимайте места. Скоро матч продолжится...

Бильярдная была похожа на закрытую палубу огромного парома, среди островов зелёного сукна, слегка покачивающуюся в лёгком тумане сигаретного дыма. Волнующая безбрежность и тайная невидимая граница этого пространства, способная подчинить своим законам всякую суету повседневности, втягивала, поглощая полностью каждого, кто входил в этот мир.

Игроки, соперники, зрители пульсировали одним организмом. Стук тяжёлых шаров из слоновой кости цоканьем языка отскакивал от нёба, катился до самого живота даже у самых маститых, хладнокровных в своём азарте игроков. Ослепительное женское брильянтовое декольте, с переливающимися камнями в мочках ушных раковин ещё больше светилось от яркого света низко висевших над столами ламп. От такого сияющего блеска не ускользал не один гуляющий или дрогнувший мужской мускул. В нем отражались все победы и поражения сильного племени.

Но была во всём этом пропитанном напряжением воздухе какая-то сакральная таинственность, подчёркнутая роскошью белого воротничка маркёра и дыханием замершей толпы мужчин и женщин, одетой в кураж, перемешанный с запахом сукна, дыма, дорогих духов.

Шумный бильярдист – их новоявленный приятель – напоминал медведя Балу из мультфильма «Маугли». Своим объемом, внешней простотой и обаянием казался добрым увальнем, которому захотелось немного пошалить. Именно он привлек громким голосом и непосредственностью всех тех, кто был рядом.

Балу взял свой кий, улыбнулся окружающим, и подошел к сопернику.

– Как, Генчик, сыгранём? Решающую? Тебя толпа не смущает?

– Что ты, дорогой! Ради такой ставки, я приму любые твои шалости!

Они играли матч из трех партий в пирамиду. Первую, в один шар, выиграл Балу, а вторую, со значительным перевесом в четыре шара, Геннадий. Перед решающей партией сделали перерыв, которым и воспользовался, теряющий удачу соперник, похожий на медведя. Они о чем-то пошептались, пожали руки и под аплодисменты зрителей подошли к столу.

– Начинаем! Ставки сделаны! – появившийся у стола маркёр пожал руки участникам, и игра продолжилась.

Первым разбивал Генчик. Поджарый, с артистической стойкой мужчина выглядел лет на сорок и казался моложе Балу. Хорошим ударом он накатом забил шар в дальнюю правую лузу. При этом вывел себе под удар шар на середину, не забить который казалось невозможно. Зал зааплодировал.

Он вбил ещё один клапшtosом, и красный шар опять остановился очень удачно. Лихо, казалось, не глядя, поджарый игрок забивал шар за шаром. Щегольство его умиляло окружающих. Мужчина также любовался собой и своей игрой.

Болельщики подались вперед и стали подсказывать, какой удар ему лучше сделать, чтобы закатить максимум с разбоя. Из разных сторон зала до Милы доносились незнакомые слова: абриколь, триплет, круазе. Сам игрок обошел стол, пригляделся и, скорее всего, под впечатлением удачных ударов, выбрал наиболее трудное решение. Но если бы задуманное им получилось, то игра была бы сделана за оставшиеся четыре удара. Сделав глоток воды, уверенный игрок намелил кий, приблизился к столу и приготовился сделать французский удар с левой оттяжкой.

Балу стоял в углу и был невозмутим. Казалось, что его совсем не заботит складывающаяся на столе ситуация. И только тихое и мерное постукивание по носку ботинка турняка кия с восточными иероглифами выдавало его волнение. Помочь ему выиграть партию при таком раскладе могло только чудо.

За спиной Милы послышался тихий, встревоженный мужской шепот, который в гвалте бильярдного шоу было сложно разобрать:

– Влетел я со своими ставками! Генчик в ударе и вполне может лишить меня бабок. Не надо было на здоровяка мазу держать. Сейчас загонит француза, а остальное дело техни-

ки.

– Не ной! Игра – штука непредсказуемая, – ответил кто-то несколько писклявым голосом. Так говорят плачущие дети, обиженные на не доставшуюся им конфетку, да сорвавшие голос разговорчивые взрослые. Второй собеседник был уверен в победе Балу, и рефлексия его состояния вдруг внезапно выплеснулась в зал громким фальцетом. – Мы победим Генку!

От этого непонятного звука рассмеялись все, кто был в зале. Хохот уверенных в Геннадии болельщиков и смущенный смех остальных зрителей внес разрядку в зал, как внезапный дождик в жаркий день. «Почти победитель», готовящийся к удару, на миг отвлекся, улыбнулся и кивнул Балу: «Голубые болельщики? Не замечал за тобой...»

Встрял маркер: «Игру продолжаем?!» На что Балу просто кивнул, а Гена перехватил кий пистолетом и нанес удар. Этого мига хватило для того, чтобы киксануть, и выставить свой шар на сукно. Что и проделал маркер, с невозмутимым видом. Тяжелый выдох зрителей, после прозвучавшего громового хохота, повис в зале зыбкой тишиной. Это была ошибка. Рядовая ошибка в игре, но партия оказалась в руках соперника. Балу не тронули ни крики поддержки, ни аплодисменты, ни скабрзная шутка Генчика. Он дождался ошибки соперника, так как был в уверенности, что удача на его стороне.

– Лихо я его! – к Миле протиснулась Лялька с бокалом

шампанского. Похоже, что это она, укусив без меры холодно-го мороженого, как в былые времена юности, сорвала связки. Сейчас она готова была подпрыгнуть на месте в свою честь и разразиться очередной тирадой по игре.

Все кто был, на стороне Балю захлопали в ладоши, увидев, что с выставленным шаром и сорвавшимся «французом» шары не изменили своего прекрасного расположения. Партия перешла в руки здоровяка.

– Лялька! Ты в своем амплуа! Помолчи хоть пару минут!!! Ты видишь, что тут делается?

– Говорите девушки, говорите! Болейте за лучших! – Балю наносил удар за ударом спокойно, без риска, выбирая оптимальные шары, которые, как ударявшиеся в тосте граненые стаканы, радовали его слух. Своим басом подбадривал себя, болельщиков и шутил с окружающими.

– Каждой лычке – по строчке! – шар в лузу.

– Бей чужих, и про свои не забывай! – ещё два закатились.

– Луза – та же женщина, с ней нежно надо...

– Нам и «дураки» улыбаются.

Шары один за другим влетали в лузы, и еще мгновение назад ускользящая победа неслась к Балю вместе с воздушными шариками шампанского в бокалах болельщиков.

– Ура! Победа!!! – Лялька не могла сдержать свой восторг после забитого последнего шара. С падением его в лузу она выпустила пустой бокал на пол и под звон стекла бурно зааплодировала. Её поддержал зал. Соперники пожали руки друг

другу. Сказали слова благодарности маркёру. В руках Балу оказался небольшой дипломат, который он поднял над головой и громогласно объявил:

– Гуляем выигрыш!!! – он прямо пошел в сторону Ляльки. – Где те девушки, что принесли мне победу? Вот они, чаровницы!!! – Он по-дружески, как давний знакомый, расцеловал обеих в щеки, и галантно подхватив их под руки, направился к выходу в окружении друзей и болельщиков. Дипломата в его руках в тот момент уже не было...

С шумом и смехом, довольные и счастливые зрители потянулись к выходу. Те, кто проиграл, остались в зале и грустно курили, жалея, что сделали ставку не на победителя. В этот момент нежный шепот за спиной Милы зазвучал нежной музыкой сдерживаемой страсти:

– Эти волосы надо вплести цветы и Афродита будет сладко спать, предоставив свой пьедестал более достойной женщине...

Как и час назад на презентации, Милу охватило томление от незатейливых комплиментов и обжигающего тёплого дыхания чужой плоти. Пробежавшая по шее дрожь от влекущего прикосновения не позволила повернуть голову к тайному обольстителю.

Буквально через несколько минут компания мужчин и нескольких женщин уже торжественно сидела за столом с бокалами вина и слушала высокопарные тосты победителю. Его огромная квартира, под стать хозяину, могла вместить

офицерский полк, если всех рассортировать согласно ранга и пристрастия по комнатам и кабинетам. Подхваченные эйфорией победы и ещё каким-то неожиданным чувством желания и азарта, Мила вместе с Лялькой оказалась в чужом доме с незнакомыми людьми. Поступок, сам по себе уже безрассудный, настораживал и завораживал одновременно. Но, как говорил один мудрец, каждая взрослая женщина, даже замужняя, хотя бы один раз в жизни чувствует в себе животный зуд самки. И тогда, ни возраст, ни статус, ни положение в обществе не в силах его остановить.

Трудно было понять, чем занимается хозяин этих изысканных, богатых покоев. Вряд ли «неноводельная», старинная, дорогая мебель, продуманный интерьер, над которым хорошо потрудились профессионал-дизайнер, были заработаны в победах за бильярдным столом. Скорее бизнесмен с хорошей родословной или... Или криминальный авторитет с прирождённым хорошим вкусом. Это предположение тревожно смущало, и только присутствие рядом Ляльки, мирно сидевшей под рукой Балу, немного успокаивало. Она, похоже, его хорошо знала и успела шепнуть подруге:

– Всё под контролем, расслабься.

После сказанных заздравных речей за хозяина, его игру, удачу, надёжный кий и т. д. вспомнили про случай, который помог принести победу – внезапный крик-писк. Как теперь стало ясно, он принадлежал женщине, которой теперь приписывали чудо этой победы. И вся лавина симпатий вдруг

нахлынула на нежную Лялькину грудь. От такого неожиданного внимания и сыплющихся со всех сторон тостов и комплиментов в её честь, в глазах у героини забегали весёлые чертики. Они вместе с ней праздновали победу. На колене подруги, уже весьма откровенно, лежала рука Балю.

Мила пригубила глоток красного вина, но на настроение это влияло мало. Состояние подруги, сегодняшней героини, непривычная обстановка и состав компании – всё это заставляло быть более бдительной и посматривать по сторонам. Хотя она с удовольствием продолжала слушать тост за тостом. На неё также, не без интереса, обращали внимание мужчины. Люди хаотично входили и выходили из комнаты, где шёл праздник. Легкий шум разговоров, незнакомая аура, немного напущенный восторг окружающих и тайна, которая привела её сюда, не давали покоя и продолжали волновать женщину. Пьянило все: сама внезапность состояния, горячность команды игроков, так неистово влюблённых в игру. Ей во всей этой беспорядочной свободе, царившей вокруг, вдруг захотелось стать такой же, не стеснённой никакими рамками привычного этикета, познакомиться с неизвестным чужим пространством, почувствовать его на вкус и сохранить подольше. Она вспомнила старинные рижские и итальянские замки, по которым водила её бабушка. Вспомнила запах того незабываемого состояния из детских воспоминаний, мелодичное наставления о том, что красоту необходимо не только созерцать, но и чувствовать всем своим есте-

ством. Остро вспомнился запах состаренной бронзовой патины, настоящего щёлка, кружев на абажурах, мебели, масляной краски на картинах великих мастеров.

В то время, пока Лялька очередной байкой привлекала к себе внимание, гостья, пленённая каким-то неведомым чувством, не спрашивая никого, тихо поднялась с кресла и незаметно для всех вышла из комнаты. Через несколько шагов она словно шагнула в прошлое. Приглушенный свет старинных канделябров освещал сюжеты висевших на стенах картин в тяжёлых золоченых рамах и старых, ручной работы, гобеленов. Повсюду стояли огромные напольные вазы, некоторые были с живыми цветами. Всё убранство залы зачаровывало и даже немного пугало. Женщина прошла ещё несколько шагов в направлении другой комнаты, где свет казался более ярким, и оттуда доносились мягкие, приятные голоса. Подойдя поближе, Мила отчётливо услышала тихий и знакомой ей мужской голос. Бабочка не ведала ещё, что этот яркий свет уже опалил её крылышки, и она продолжала лететь на огонь.

– Я тебе говорю, что эта победа деланная. Проигравший сегодня будет иметь эту самую Милочку, а шеф – грудастую, что верещала. Всё было подстроено! Спорим? По рукам?

В ответ раздался хлопок рук и чья-то невнятная реплика, поддерживавшая пари. Чувствовалось, что собеседник не верил в эту версию. Но допускает любое развитие событий.

Мила не сразу смогла понять, что содержание этой беседы

напрямую касается её и Ляльки. Обомлев от страха и всей мерзости беспомощного положения, она тихо шагнула в сторону комнаты, из которой несколько минут назад также тихо вышла. Перепуганная женщина заметалась, не зная, как правильно поступить. В висках колотилась мысль: «Нет, этого не может быть! Надо как-то вытащить отсюда Ляльку».

Она быстро вернулась в комнату, но ни подруги, ни Балу там уже не было. За спиной Мила вновь почувствовала знакомый голос, учтиво предлагавший пройти к столу. Женщина вежливо извинилась, а потом неожиданно для себя и всех окружающих быстрыми шагами побежала к выходу, а учтливому кто-то задержал по дороге. Не помня себя, она оказалась на улице. Уже в машине, почувствовав себя хоть в какой-то безопасности, Мила догадалась: «Это он шептал! Аферодита! На комплименты дешёвые купилась! Что же это делается со мной»...

К дому машина подъехала со стороны входа, где находилась дверь цокольного этажа. Мила отдала деньги водителю и направилась к двери, с уверенно настроенным чувством на разговор с Аркадием.

– Так не может больше продолжаться, – ещё в машине рассуждала она. – Муж самый дорогой человек в моей жизни и должен знать, что твориться в моей душе. В последнее время, я прежняя лишь предметами своего гардероба. Всё, что под ним, – это не я. Вот и сегодня, сознательно поехала на эту презентацию, как изголодавшаяся в весеннюю пору

сучка. Конечно, я ещё нестарая женщина, и я хочу мужчину, но родного мужчину! Он волнуется и ждёт меня. Я сейчас поднимусь к нему в кабинет, и мы обо всём, обо всём поговорим.

Волнуясь и сбиваясь мыслями, Мила взбежала по ступенькам крыльца. Свет небольшого фонаря за её спиной, который освещал, подвальное помещение, погас. Не включая, верхнюю лампу, она на ощупь открыла дверь и направилась к винтовой лестнице.

Сделала несколько шагов, больно наткнулась на незнакомый, тяжелый предмет. «Что это такое? А, ящик с яблоками. Ой-й, как больно! Наверное, колготки порвала... Значит, Аркадий был сегодня в Метро. А когда-то яблоки стояли в корзине, а после страстно проведённой ночи, она часто находила их у себя под подушкой. Все меняется в нашей жизни. Это нормально. Не может же всё продолжаться вечно? «Стереотипы охлаждают страсть и новизну отношений,» – от сумбура состояния в её воспалённой голове всплыли строчки из какой-то психологической литературы.

Дверь в кабинет мужа была слегка приоткрыта. Мягкий свет обволакивал розовой дымкой все предметы комнаты, превращая их в загадочные силуэты знакомых и незнакомых сказок.

Мила сдвинула брови и с гримасой женской грусти, похожей на маску Пьеро, просунула голову в проём двери. Тихонько постучалась.

Аркадий, завидя её в такие моменты, сразу всё понимал и всегда говорил: «К нам стучится Грусть?», – потом нежно прижимал её к своему сильному плечу, целовал в лоб, как ребёнка, а иногда приподнимал и усаживал прямо на стол напротив своего кресла. Очень часто такая беседа уводила их на уютный мягкий кожаный диван или бессовестно и сладко продолжалась на столе.

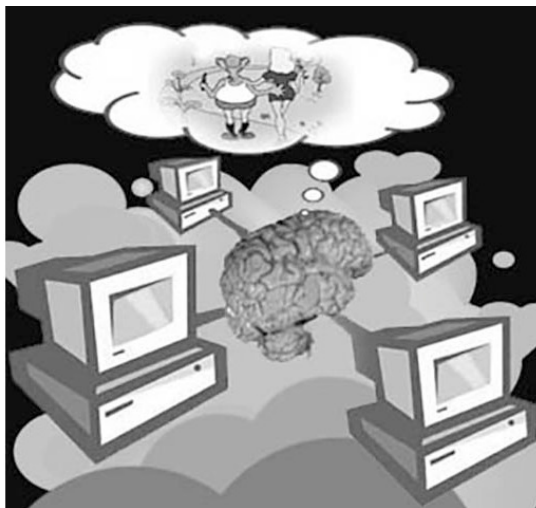
Мила шагнула в кабинет. В углу, на софе, спал Аркадий.

– А меня здесь никто не ждёт...

Она попятилась назад и как вор, тайно проникший в чужое жилище, тихим клубком невидимой тени, быстро переставляя ноги, скользнула вниз. Обида переполняла её, но сделать она ничего не могла в эту минуту.

В спальне женщина, не раздеваясь, ничком, легла в холодную, одинокую семейную постель.

Глава 6. Интернет

Текст, который набрал на компьютере Аркадий Сергеевич, выглядел коротко, но, как казалось смущенному немного автору, достаточно ясно. Перечитав его и исправив грамматические ошибки, которые ему показала текстовая программа с хорошим редактором, он закинул в мировую паутину следующее:

«Я не спал с женой больше года. Не могу склонить жену к сексуальному контакту со мной. На все есть отговорки. Заставлять не хочу – есть в таких действиях элемент

принуждения. Не знаю, где, и от кого она получает то, чего не получаю от неё я. Может, и не получает. Или считает, что с возрастом «этим» надо меньше заниматься.

Часто и сам ничего не хочу. Вместо секса с женой у меня секс с работой. Что-то здесь не так: я могу, знаю, что и она в силах «этим заниматься». Но очень часто мне она говорит, что «не хочет».

Есть несколько дорог. Можно завести любовницу. Тайный секс на стороне, и разбавленная муками совести семейная жизнь. Можно пойти по проституткам, и ждать невесть каких проблем от эриц любви. Или развестись? Но не хочется её терять.

Ей было бы больно прочесть эти строки. Но жить с мужем, надоевшим в постели, разве не больно? Не в моих правах решать, что для неё благо, а что – зло. Грех сладок, а человек падок. Хотя немалое число моих знакомых изменяют супругам, и это, в общем-то, вполне реальное явление. А я хочу искренних отношений – каюсь – может, это слишком наивно и по-детски, но любовь и измена лично для меня несопоставимы, и это не чистоплюйство, я не согласен по-другому.

Может, у неё просто не хватает смелости уйти от меня, а у меня – на одну из трех дорог.

Где же выход?»

Ник: Скобарь

Ответы на послание не заставили себя ждать. Как только Аркадий на следующий день включил свой комп, так сразу получил несколько дюжин ответов-советов в блоге. Кто-то описывал свой опыт, кто-то сетовал на похожую ситуацию с женой. Были те, кто просто хамил. Но были очень интересные мысли, которые заставляли думать.

Автор авантюрного письма стал перечитывать все мнения, что как из рога изобилия высыпались на его страницу в Интернете. И сразу попытался составить из них систему. В первую ячейку-блок он сбросил те письма, где его ругали и посмеивались над ситуацией.

Какое тут мнение? Автор РОГАТ.

Правильно она вам не дает.

Терпите, терпиЛЮ!

Если у нее нет каких то заболеваний, то, скорее всего, она просто разлюбила тебя. Есть рога или скоро заколосятся, это вопрос времени.

Им просто надо УМЕТЬ заниматься, это не пиво лакать после смены.

Мужик мне тебя жалко, честно; я знал таких, как ты, это вечное одиночество в собственном доме, неприкаянное место в мужской компании. В старости у тебя будет как в том анекдоте... Сидит дед с бабкой за столом. Кушают. Вдруг дед как размахнется и как даст бабке по морде. Та типа... за что?... А он ей... сама знаешь.

– Забавно! Старый анекдот, а вписывается в канву рас-

суждений. А как они бьют! Наотмашь! И трус, и роконосец, и нытик, и зануда, и его она не любит..., – с возмущением вслух произнес Аркадий Сергеевич. Он поднялся со стула, заварил себе чая и вернулся к экрану.

Главное, что он вынес, так это то, что его жена ему может просто-напросто изменять с другим мужчиной и корявое чувство ревности активно зашевелилось где-то глубоко внутри. Аркадий Сергеевич опять встал, прошел несколько шагов от компьютера и назад. По пути усилием воли заставил себя анализировать информацию дальше. Во вторую условную ячейку он занес ответы-размышления о любви и сексе.

Может быть и не рогат. Но, может быть, уже не любим. Может быть, любим, но плох в постели для жены. Может быть, хорош в постели, но косит на один глаз. Может быть все что угодно. Ситуации шаблонны, когда смотришь со стороны. Изнутри каждая – индивидуальна до мелочей.

Любовь прошла? Значит, ее не было.

Мужчина может быть любим, и при этом совершенно не удовлетворять женщину в постели. Вам это кажется странным, но это так.

80% трахаются не любя. Вы не знаете, что такое секс вообще. Дитё. В любви вы может и специалист, но любовь это тоже слишком неопределённое состояние.

Автор любит... Он способен любить. А мужчин таких осталось – единицы. Лучшие поучитесь у него уменью любить и чувствовать, переживать и сопереживать.

Вот это ерунда. Если мужчина ДЕЙСТВИТЕЛЬНО любим, то техника секса уходит на 10-й план. А она ЕГО именно не хочет.

Нет-нет, женщины все тривиальны, а ситуации ШАБЛОННЫ, повторяются чуть ли ни слово в слово.

Интересно, что у многих размышления о любви и сексе пересекались. Вернее, смешивались. Скорее всего, женщины не разделяют одно от другого, не допускают секс без любви. По крайней мере, Аркадий Сергеевич не раз слышал, как Мила убеждала дочь: «Не может быть и речи о сексе с мужчиной, которого не любишь!» Благо, у него самого на эту проблему было устоявшееся – свое! – мнение: он разграничивал любовь как возвышенное, одухотворенное чувство. И секс как физиологический процесс.

Однако, некоторые размышления его собеседников в интернете заставили задуматься над верностью такого разграничения. Может быть, есть смысл соединить секс и любовь в каком-то гармоничном единстве? Тем более, что на эту тему так много пишут. Он выделил еще один блок ответов «о мужчинах и женщинах».

Женщину может понять только женщина. Есть такое понятие как доверительные отношения между мужем и женой... Так что причину искать нужно в обоих.

Вы переживаете это в первый раз. А некоторые в четвертый или в пятый... Все зависит от многих еще обстоятельств. Настоящая женщина, если она не бл... и не пе-

переходила из рук в руки, будет вести себя сдержанно, если муж порядочный. Но есть разные варианты. Некоторым секс до фени. Вот здесь мужик и страдает. Ей надо мало, а ему много. Я таких мужиков знаю немало.

Даже Лев Толстой писал в знаменитой «Крейцеровой сонате». Он очень точно описывает эту проблему: «Чем хуже были наши отношения с женой днем, тем больше нас тянуло в объятия друг другу ночью». Потому что недостаток эмоциональной близости, теплоты, любви выливается в то, что у человека появляется чисто физиологическая потребность в какой-то компенсации».

Разве мужчина будет верен женщине, если нет секса, и будет ли он любить женщину, как она любит без секса мужчину? Мне, кажется, мужчины даже не понимают, о чем мы говорим... примитивны как раз мужчины, извините.

Может, я ошибаюсь, но мне слышится грусть в вашем посте. Советую не советовать, но вы просто прислушайтесь. Во-первых, четко для себя поймите, что все советы и комменты, которые вы здесь прочли – это всего лишь чужие тараканы, которых выпустили погулять. В хорошем смысле – у каждого из нас свой багаж, свои любимые мозоли и на одинаковую ситуацию каждый реагирует по-своему. К вашей ситуации и вашим отношениям с женой эти мнения не имеют никакого отношения. Во-вторых – спросите у себя серьезно – вы действительно хотите продолжать отно-

шения с этой женщиной или со своей работой? Если все-таки с работой, ну хоть в самой глубине души – ваша грусть будет только расти. А каждый человек достоин счастья, и вы и она. Если да – тогда действуйте сами. Вполне возможно, что она тоже мучается, но ей сложно об этом говорить даже со своим мужем. Возможно у нее какие-то проблемы со здоровьем, и она, как и вы, не хочет вас травмировать такими сообщениями... и этих «возможно» будет огромное количество. Разговор двоих – это безумно трудно. Но... прежде всего, поговорите с собой, выясните ваши приоритеты, а потом по ситуации. И как бы не сложилось – удачи вам, берегите себя, и свою зубастую совесть.

– Да. Это верно. Воспитанием дочки, аспирантов, подчиненных я занимался. Думал о карьере и связанных с ней моментах в институте. Всем занимался. И домом, и квартирой, а о об интимном забыл. Всегда думал, что от природы это или есть, или нет. Оказывается, необходимо было не только помнить об этом, но и работать над собой. Интересная мысль. Вот этот пост надо взять на заметку. Человек, который так рассуждает, заслуживает внимания, – подумал Аркадий Сергеевич и продолжил свой анализ.

Экран мерцал в темноте ночи. Аркадий Сергеевич смотрел на строчки невидимых ему авторов и удивлялся: как много людей, которые считают нужным вести переговоры, общаться, говорить о сексе! А как на эти интимные темы говорить? Как-то не он, не жена никогда не считали нужным

об «этом» говорить друг с другом. Все решалось где-то внутри, на интуитивном уровне. И мнение о том, что говорить о близости не надо – все здесь естественно! – глубоко утвердилось у него самого и скорее всего и у Милы. А может он не прав?

Он подумал и решил сделать еще один блок ответов «о переговорах».

Зря вы оба молчите! Общаясь на эту тему, возможно, нашли бы выход. Я понимаю, что неохота даже начинать разговор, но все-таки попробуйте, кто знает...

Поддерживаю... Иначе, зачем человеку язык, если он не может объясниться с женой. Как в мыльных операх... Кто-то что-то недосказал, и получилась длинная история...

Общаться уже поздно. Упущено время. Нужны поступки. Настоящие. Мужские. С Заглавной Буквы.

– Такое разделение по блокам-ячейкам ни к чему не приведет, – Аркадий Сергеевич решил сменить тактику. – Надо выбрать советы и рекомендации, которые помогут найти ответ на самый злободневный вопрос «Что делать?» Пусть он столетиями мучает русского человека, но теперь я добрался до него.

Он стал подчеркивать и выписывать только советы и рекомендации, стараясь отбрасывать обычные рассуждения о том и сём. В результате получился своего рода план:

С женой надо больше общаться, созваниваться, давать

больше комплиментов, ласки, нежности, подарков и положительных эмоций.

Попробовать заново влюбить любимую в себя.

Нужна «лёгкая встряска» – смена обстановки, например. Надо попробовать ей изменить.

Можно интрижку завести на стороне для редких встреч.

Или онанировать.

Важна регулярность на излете зрелого возраста.

Обратитесь за помощью к профессионалу – медицинскому сексологу или психологу. Если Вы хотите **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** разобраться в причинах и найти помощь, то Вам сюда: 1sexology.ru

– Вот, наверное, то самое место, где о профессионалах можно узнать, – Аркадий Сергеевич сделал пометку в своей записной книжке и продолжил работу:

Попробуйте начать с прелюдии и ей же закончить, не доходя до секса. Доставляйте жене удовольствие прикосновениями.

Без разговора обо ВСЕМ не обойтись.

Нужно принудить. Но не к сексу, а 1) на откровенный разговор (выяснение реальных причин) и 2) на поход к врачу.

Универсальный рецепт – поездка вдвоем на остров, к теплему морю или по Волге

Смотрите чаще классику о любви в кино.

Устройте все так, чтобы было нешаблонно: необычное время, необычное место и т. п. Дерзайте!

Надо разводиться!

Аркадий выписал себе все советы и рекомендации. И задумался над тем, что получилось. Очень много противоречивых мнений, а конкретного ответа нет! Люди описывают свои ситуации. Приводят примеры. Многие отправляют к специалистам. Так что же делать?

При этом его не покидало чувство ревности! Не случайно в первую очередь он обратил внимание именно на свою «рогатость». Беспричинно или нет? Может быть, на новой работе жены появилась возможность показать себя и с этой стороны? Комитет по сексуальной культуре скорее всего к этому рано или поздно её приведет... А она в нём не последний человек. Она теперь чиновник, но по сексу...

Правда, не пойман – не вор. Но кто её знает...

Он сочинил в ответ на все письма одну фразу и отправил её в виртуальное пространство: «Спасибо за оптимизм и доброту, и за интересные мнения».

Глава 7. Эдвард

Мила решила заглянуть во вчерашнее кафе, выпить чашечку кофе. Посетителей в этот утренний час было мало. Молодой загорелый парень, в яркой рубаше на выпуск, общался с барменом у стойки. Официантка, с приветливой улыбкой встретила отдыхающую. В центре зала мирно сидело большое азиатское семейство бурят или калмыков. Детвора все как цыплята из инкубатора были похожи друг на друга. Они мило посмеивались и ели мороженное. Взрослые, улыбались, перебрасывались короткими фразами, и нежно

посматривали на своё потомство. Одинаковые раскосые люди вели себя сдержанно и даже степенно, исключительно по своей природе и воспитанно. По некоторым отрывкам фраз можно было понять, что это жители России, приехавшие к морю из какого-то отдалённого провинциального городка.

Мила присела за знакомый столик под большим развесистым деревом, сняла очки и подозвала официанта. В нескольких метрах от неё, за соседним столом напротив, расположился весьма колоритный персонаж. В ожидании своего кофе она тихонько стала его разглядывать. Высокий, поджарый, с правильными, слегка напряжёнными чертами лица, указывающими на остроту восприятия всего окружающего, мужчина увлеченно что-то писал чернильной ручкой с золотым пером на небольшом блокнотном листе бумаги. Рядом лежала черная кожаная папка, выдавшая лучшие времена.

– Ещё эспрессо, Эдвард? – обратился к нему бармен.

– Не отвлекай! Может, через пять минут... – раздраженно бросил тот и опять углубился в свою работу.

От имени незнакомца дохнуло чем-то далеким, подзабытым, прибалтийским. Она пыталась вспомнить, кого он ей напомнил, но безрезультатно.

Глядя на этого утончённого, сухопарого мужчину неопределённого возраста, контрастно демонстрирующего совсем иную человеческую природу, Мила подумала, что именно

так внешне выглядят английские или французские аристократы. Острый нос незнакомца немного походил на клюв гордой птицы, он небрежно держал на себе тонкую оправу дорогих очков. Кожа на лице не лоснилась на южном солнце, как у клиентов, сидящих неподалёку. Она была сухая, слегка обветрившая, и, видимо, не за один сезон. Можно было предположить, что этот Эдвард был либо местным старожилом, либо часто навещал эти края. А ещё в голову пришел живой карикатурный образ капиталиста с рисунков Дейнеки двадцатых годов прошлого века.

Между тем, за соседним столиком сидел флотский офицер запаса, сохранивший выправку и интеллигентную, прирожденную статью. Он с упоением писал лирические сонеты и романсы. Занимался архитектурой. Слыл эрудитом. Был почитаем всеми знакомыми, окружающими, близкими и друзьями. Являлся членом морского клуба.

Здесь, в открытом летнем кафе он предпочитал проводить свободное время, не желая ссориться по пустякам с женой. Домашний быт всегда угнетал и раздражал его. Сын несколько лет назад уехал в Канаду. Там женился, наплодил отцу внуков и постоянно звал к себе.

Ехать в заграничную поездку пожилому морскому офицеру не хотелось.

– С кем там общаться? С кем пить водку под селёдочку? Кому я буду читать сонеты? – возмущался Эдвард в беседах с друзьями. – Допустим, какая-нибудь Зульфия и вдохновит

меня. Но поймёт ли она моё широкое сердце? Оценит ли? Нет! Истинному поэту – жить надо на родной земле! За океаном поэзия умирает...

Он писал для себя и тех прекрасных женщин, которые его воодушевляли повсеместно. Всех их за глаза называл Зулфиями, а рождал возвышенные строки для каждой отдельно. Юные девы и преклонные дамы всех возрастов, до глубины сердца тронутые его лирическими нотами, боготворили автора и зачитывали листики из его поэтического блокнота с посвящёнными в их честь сонетами до дыр. Особо чувствительные натуры прятали слезу в свои тонкие кружевные платочки. Слогом сонета он владел в совершенстве, обижался, когда его считали ремесленником коротких форм. Мог мгновенно сочинить, а, бывало, не спал ночами, отыскивая нужное слово, интонацию, рифму.

Неизменная папка с листами, испещренными рукописными строчками была всегда при нём. Эдвард надменно отказывался от предложений перевести рукописи в цифру, не стремился издать свой сборник, не делал авторских вечеров. «Я пишу слишком интимно – пафосно произносил мастер. Чтобы мои стихи звучали с трибуны?! Да, никогда! Только после моего ухода».

Сегодня он сидел на своём неизменном месте и пил свой горячий эспрессо. С нахлынувшим вдохновением писал вздох за строкой, не обращая ни на кого внимания.

Через несколько минут он оторвал взгляд от бумаги, резко

закрыл ручку колпачком, сунул её вместе с листами в папку:
– Где мой обещанный кофе, сударь?! Да, и коньяк! – в его
голосе послышались веселые нотки. Было видно, что мастер
доволен своей работой.

– Как обычно? – спросил бармен.

– Обижаетесь, Коля! Я своих привычек не меняю!

Говорил он громко, внятно, как будто отдавал команды
на корабле. Теперь точно было понятно, что этот посетитель
здесь частый гость.

Эдвард спокойным взором обвел зал, желая с кем-то по-
делиться новыми строчками, и увидел Милу.

Он медленно приподнялся со стула, прищурил острый,
как у грифа глаз, словно нацелился на добычу. Одним мяг-
ким взмахом расправил крылья и мягко перелетел за стол
взволновавшей его незнакомки. Вкрадчивым голосом, пол-
ным закипающей страсти, он произнес:

– Мадам, а вы недавно из Парижа?

– Из Предпарижья, я проездом, – улыbnулась Мила.

– О, солнце над Монмартром! О, милое очарованье Се-
ны! Каким же ветром? Какими же судьбами вы рядом, в этой
Тьмутаракани?

– Уж, не поэт ли рядом с нами? Не смущайте... И белым
слогом говорить не обещайте... – она подхватила его игру
совсем непринужденно, забавляясь общением.

– Вы обречены на сонет...

– Ваш кофе, сэр! И коньяку стакан... – Коля стоял рядом

с подносом в руках. От аромата нарезанного тонкими ломтиками лимона тихонько защекотало в носу.

– Вы разрешите? – Эдвард обратился к Миле. – Я присяду рядом? Или к моему столику? Я угощаю! Перед Вами Его Величество король 9-й Английский!

– Присаживайтесь рядом. Что за гусарские замашки до обеда?

– Эдвард! – представился он, кивнул элегантно головой, поцеловал руку женщине, и сел на свободное место.

– Вы так галантны. Так и хочется добавить, сэр!

– Добавляйте!

Они расхохотались.

– А почему 9-й? Их же, по-моему, было всего восемь?

– Вот именно поэтому!

– Милана, – в ответ произнесла женщина и сразу заметила, – и ваше, и моё имя не местное.

– Местное имя только у Коли, хотя правильно, по-киргизски, Кудайберген.

– Я и подумала, почему парня с восточной внешностью называет Колей?

– Трудные незнакомые в произношении имена в человеческом быту обычно переиначивают на свой манер. Удобный для общения... Приятно в столь утренний час повстречать такое милое создание, которое может скрасить скромную трапезу старого поэта.

– Вас можно назвать зрелым, но не старым, сэр Эдвард.

У вас в глазах горит ещё огонь свободы, страсти.

– Благодарю. В «зобу дыханье спёрло»... Так ловко перехватить инициативу может не всякая женщина. Обычно мужчина выступает первым, и вспоминает сказку о принце, дворе и белом коне.

– Где, принцы, кони? Уж видно, на другом дворе.

– Вы остры, как коготь кошки. Я уже в угаре, если можно так назвать это сладкое времяпровождение.

– Соскучилась по живому общению. В последние дни больше с клавиатурой компьютера, да со своими мыслями.

– О! Женщина! Не верю я, что руки ваши этим делом заняты и мыслей грусть касается чела! Такую красоту невозможно пропустить ни одному мужчине на этом дивном побережье.

– Вы точно не пропустили.

– Мне можно.

– Это почему же?

– Я с иными целями. Если вас и обидит отсутствие домогательств с моей стороны, простите, дама. Но в определенном возрасте желание видеть, знать, что рядом создание такой божественной красоты, гораздо важнее банальных плотских утех.

– По вам не скажешь. Такой взгляд более свойствен детям до пубертата.

– Что вы! Пожилые – те же дети и проходят такие же стадии сексуальной, увы, инволюции. С полового пьедеста-

ла взрослые и зрелые мужи, сломленные годами, боевыми победами и поражениями нисходят на эротические мотивы. А потом окончательно падают в платонические объятия жизни.

– Парадокс. Сначала мальчики за косички девочек дёргают, потом стихи о любви им пишут, а вырастая, целуются, милуются и....

– Да. Именно так все и происходит в сексуальном онтогенезе на предкрайних его ступенях. А платонические объятия – это мой парадокс. Так во мне говорит поэт. Не путайте с Платоном! Того напереводили так, что сегодня его надо читать только в подлиннике. Важнее ступень, на которой я обосновался.

– Какая же?

– Между сексуальной и эротической.

– Самокритично. В вас говорит мудрость или возраст?

– Адекватное восприятие действительности. И понимание этого приходит с годами, милая Мила. Жаль, что не у всех. Помните, как у Вертинского? «Можно мне вас немножко...»

– «любить...», – она живо подхватила. – Можно. Немножко.

– Ах, как хорошо это временное пространство отметил Чайковский. Был бы музыкантом – я наиграл бы.

– Так спойте.

– Не могу-с! Это – к Валери. Видели замечательного юношу в черной бандане?

– Да. Вчера он играл на саксофоне. Мне очень понравилось. – Мила вспомнила вчерашние посиделки и множество гостей за столиками на проводах девушки по имени Любовь. И почему-то спросила наудачу. Наверное, отрывисто «с» в конце слова резануло ей слух. – Пойдите, Эдвард! А вы не были в Прибалтике?

– Я, как настоящий морской офицер, побывал на всех морях северного флота. И на Балтике ходил, конечно!

– Под Ригой жили?

– Не то, что бы жил. У друга гостил долгое время, еще до службы.

– Этого не может быть... А, как его звали? – Мила всплеснула руками.

– Кого? Брата? Он-то причем, царствие ему небесное. Как-то вы очень активны после кофе. Не перегрелись часом на солнце? Вот как раз доктора, которые вылечат любого....

К зелёной, живой изгороди подъехала машина. Эдвард извинился и спешно пошёл открывать ворота, чтобы впустить небольшой грузовой фургон. По его походке было видно, что он чему-то очень радовался, как ребенок. Вся его аристократическая спесь улетучилась в одно мгновение. Он бегал вокруг небольшого грузовика, с удовольствием потирая ладони. С шумом и уханьем у машины открылись сразу все двери. Из них также шумно вышли два человека. Оба крепко пожали Эдварду руку и стали дружно выгружать ящик нестандартной формы. Почти на всех его сторонах имелась

отметка в виде симпатичного японского зонтика, «не кантовать». А тяжелый вес и качество креплений напоминали тару для перевозки художественных произведений значительного формата. Например, ваз, скульптур, и т. д. Что-что, а Мила хорошо знала, в чем и как упаковывают и транспортируют выставочные экспонаты.

Этот неизвестный предмет заинтересовал её не меньше Эдварда, так как на месте получателя товара крупными буквами стояло... её имя! То самое имя из далекого детства, каким её называл только один мальчик...

Глава 8. Жуков

В жизни человека есть такие сферы, о которых не принято говорить с другими. Интимность и интимные отношения – самая закрытая и зыбкая тема для людей. Чаще всего только он и она могут обсуждать её между собой. Или, ещё чаще, на какой-то срок отдавать её на откуп химическому составу чувств. Так как чувства, как известно, говорят сами за се-

бя. А там, как повезёт. Не многие владеют интимной лексикой, у большинства – невысокий уровень сексуальной культуры. Совсем немногие пары предпочитают жить и общаться в домах с прозрачными стеклами – не скрывая своей наготы отношений, говорить об этом без всякого стеснения. Ясно одно, что и в юности, и с годами, когда приходит зрелость или появляются определенные проблемы, интимные вопросы неустанно ждут своих ответов. Вольно или невольно человек всегда задумывается о своей сексуальной природе, вокруг которой вращается вся его жизнь. Думает о том, как решать возникающие сексуальные проблемы, возможно ли впускать в свою спальню человека со специальным образованием, когда в отношениях с любимым или любимой образуется трещина. Ведь ничего не болит, температура и анализы в норме?

Этим непростым вопросом озадачил свою седую голову Аркадий. Он отметил уже главный юбилей полувековой жизни, и в своем зрелом возрасте рассуждал о сексуальных отношениях так же просто, как о других ему понятных вещах. А вот слова дочери впервые заставили его заглянуть в глубину его сексуального «Я». Будучи исследователем по природе и ученым по профессии, он привык на языке логики всё размещать по полочкам, чётко выстраивая суть происходящего, будь то любое новое явление, с которым ему приходилось сталкиваться на работе или какая-то бытовая ситуация. Всё всегда складывалось в понятную, объяснимую фор-

му или цепочку. Личные взаимоотношения, как серьезная проблема, впервые оказались в его поле зрения и требовали какой-то другой рассудительности. А самое главное, принятие и озвучивание подобного состояния.

По привычке, выработанной годами, он стал ходить из угла в угол своего кабинета и размышлять. Но отсутствие в его памяти научной информации о том, что закинула у костра Настя, обескураживало и напрягало. От чего отталкиваться? Где искать суть подобного явления? Каковы пути решения такой проблемы? И проблема ли это? Привычные вопросы строгой логики жестоко и безоговорочно загоняли в тупик учёного мужа.

Эксперимент с сайтом, организованный им самим, однозначного решения не дал. Высветилась только важность для многих людей проблемы семейно-сексуальных отношений, но противоречивые ответы только доказывали ему, что истина как всегда должна быть где-то посередине. И искать её надо самому. В своих отношениях с женой. В своей жизни.

Аркадий сел на диван. За окном слышались недовольные голоса соседских ребятишек. Они убеждали кого-то из взрослых, что вода в надувном бассейне уже достаточно прогрелась. Всё лето, целыми днями, спасаясь от зноя, детвора плескалась в этом резиновом корыте. Этот искусственный оазис полностью решал их проблему с невыносимой жарой. В комнате не было жарко, северная сторона дома как раз приходилась на мужскую половину. А весь осно-

вательный деревянный сруб, как и его хозяин, всегда выдерживал нужную температуру комфорта в любое время года. Аркадий, от не шедшего на ум ни одного ответа, представил себя в этом бассейне. Большой взрослый человек лежит в этой детской купальнице, как Гулливер в стране лилипутов, только совсем беспомощный и несуразный. Невозможность взмахнуть свободно руками и проплыть. А ныряние выглядит не просто смешным, но и несбыточным. Остаётся просто лечь в воду, и, как рыба с перевернутым брюхом, лежать на поверхности, пускать пузыри. Любое движение натывается на надутые бортики и чувство бестолкового барахтанья безмерно раздражает. Это ощущения себя в детском бассейне совпало с ощущением своей бестолковости в понимании ситуации с влечением к жене.

Аркадий пускал пузыри.

Собственный опыт любого взрослого человека начинается в детстве. Это прописано в любой психологической литературе, которую каждый студент хотя бы один раз штудировал к экзамену или зачёту. Да и во взрослой жизни все мы нет-нет, да почитываем психологические опусы, не придавая им порой серьёзного значения. Может быть голоса детворы, доносившиеся с соседнего участка, а может детская беспомощность взрослого дяди увели мысли учёного теоретика в прошлое, к далёким впечатлениям более чем полувекковой жизни.

В юности Аркаша слыл нормальным парнем. Высокий,

подтянутый, с роскошной шевелюрой под «Битлов», он совсем не был обделен женским вниманием. Молодым он часто увлекался и всегда с удовольствием общался с девушками. С годами у него даже появились свои принципы в общении с прекрасным полом: только короткие, необязывающие не к чему встречи. Он предпочитал женщин заводных, умных и весёлых, всегда любил, когда в постели партнёрша эмоциональна, когда кричит, либо стонет или как-то смешно повизгивает. Короткие встречи не предполагали дополнительных знаков внимания – это был своего рода взаимоборота удовольствия, с весёлым временем препровождения, без признаний в любви и классического душевного приручения. Всех дам, кто вызывал у него эротическую симпатию, он непременно называл «милочками». Здоровый эгоизм, физиология молодости долгое время не давали сбой на всех сексуальных фронтах. У него была здоровая потенция к жизни, и секс всегда был хорошим подспорьем для молодого самца. Эти установки родились не в одночасье и не списывались у авторов любовных романов. Так выстроилось общение с противоположным полом у человека с достаточно высокой половой конституцией. Эту формулировку он позаимствовал у одной из своих подружек, которая преподавала в медицинском институте. Увидев его волосатую грудь и спину, несколько коротковатые ноги, она назвала его своим кин-конгом и сообщила этот термин, как показатель половой силы. Что, в сущности, соответствовало действитель-

ности. Проблем по мужской части он не чувствовал.

Судьба распорядилась с ним весело. Единственная женщина, которую он по-настоящему полюбил и признался ей в этом, носила имя Мила. Мила-Милана так гармонично вошла в его жизнь, что не пришлось менять свои привычки и принципы. Единственное, что случайных и непринужденных встреч стало гораздо меньше, а имя Милочки в его лексиконе приобрело еще более теплое значение.

Ему не просто понравилась Мила, как сексуальный объект. Он был рад находиться рядом с ней 24 часа в сутки. Разговаривать. Придумывать розовые или голубые мечты. Молчать и думать, зная, что она в соседней комнате. Дарить ей цветы по поводу или просто так. Засыпать подарками, возвращаясь из командировок...

Он взял со стола фотографию, с которой Мила улыбалась чему-то своему. Она всегда была натурой поэтичной и немного нереальной, всегда фантазировала разные сцены, как маленький ребёнок. Это её качество умиляло Аркадия бесконечно. Снимок был сделан несколько лет назад знакомым фотохудожником, который специализировался на портретах. Причем, женских. Нежный взгляд красивых синих глаз, которые казались немного подсвеченными ультрамарином. Длинные ресницы, слегка тронутые косметикой. Чуть припухшая верхняя губа, которую так любил целовать Аркадий.

– Почему любил? – поймал он себя на мысли, – и сейчас

люблю.

Это слово среди ценностей жизни стояло у него особо. Как о Боге не говорят всуе, так и к любви он относился с трепетным благоговением. Манера современных героев нового кино, постоянно повторяющих признания в любви, вызывала в нём раздражение.

Для него сущность любви была гораздо выше сценарного речевого оборота или банального полового акта. Соития могут быть между кем угодно, где есть возбуждение плоти. Человек, который любит, по мнению Аркадия, относится к возлюбленному выше, чище, душевнее, нежнее. Секс – это скорее физическое удовлетворение, которое придумано в качестве бонуса удовольствия или клапана на паровом котле. Открыл задвижку – выпустил пар. Закрыл – ждешь накопления и возможности повторения.

Это совсем не означало того, что он был всеяден и готов лечь в постель с кем угодно. Наоборот! С годами избирательность до придирчивости часто становилась объектом шуток его друзей с юности. Они нередко ставили его в пикантные ситуации с перспективными для секса партнершами. Фразы: «Лучше не с кем, чем с кем попало», или «Спать так с королевой!» были его типичными отговорками в последние годы. Внутренне он, конечно, чувствовал свою зависимую слабость из-за непорочности жены, а так как всё равно изменял ей, то жить приходилось с некоторым чувством вины. Для оправдания избирательной механики мужского эго-

изма, в голове он перемешал пьянящий коктейль девственности с привлекательностью супруги и сформировался ещё один стереотип – быть с неприглядной женщиной, выглядевшей хуже его жены, ему будет стыдно. Тем более, что одного взгляда на любимую женщину ему было достаточно, чтобы где-то глубоко внизу стало немного теплее.

Но в то мгновение, когда он смотрел на фотографию, ничего не произошло! Не разливалась по телу приятная теплота, не возникло волнение, не застучало чаще сердце.

Она и сейчас так же красива, элегантна, как много лет назад на этом снимке. В былые времена хватало одного её взгляда, звука голоса и волнение завладевало им произвольно. А тут – тишина. Странно...

Фотография заняла свое привычное место у компьютера. – В чем причина? Что со мной случилось? – Аркадий остановился напротив зеркала от встроенного шкафа и посмотрел на себя повнимательнее, чем в те короткие минуты, когда наблюдал себя за бритьем. Он усмехнулся. – Да-а. Не зря меня называют крупным, выдающимся, а порой блестящим ученым.

С ростом намного выше среднего и округлившимся животом, он, и, правда, выглядел крупным и выдающимся вперед. Посмотрев вниз он, усмехаясь, подумал: «Та-а-а-к, похоже, что и зеркальная болезнь не за горами». Просвечивающие сквозь поредевшие волосы, залысины тоже картину не украшали. Морщины, седина, даже бывшие когда-то мощными

мышцы, выдавали его возраст без всякого напряжения: «му-
жику – за полтинник!»

При этом он наблюдал у себя регулярную утреннюю эрекцию. Обращал внимание на привлекательных женщин. Мог перекинуться с ними несколькими фразами. Но все чаще и чаще в последнее время, ловил себя на мысли: ему попросту не хочется заниматься сексом. Хотя разные ощущения в нестаром ещё организме и твёрдое убеждение, что он ещё в состоянии тряхнуть стариной, льстило его мужскому достоинству. Мужчина, утверждаясь сам перед собой, ещё раз посмотрел немного ниже своего живота.

– Слуга или хозяин, как он связан с человеческим разумом, живя при этом автономно...? Но почему не хочет? Ни с кем! И, главное, почти год не спал с собственной женой! Что это? Возраст? Или привычка, которая появилась с годами совместного проживания?

Вспомнилось, как несколько лет назад они с женой оказались за границей. Его вместе с коллегами, пригласили выступить с докладом в одном из парижских университетов. После ответов на массу студенческих вопросов, тайком с супругой они сбежали от всей делегации. Наскоро перекусили в маленьком уличном кафе, как молодожены, несколько часов празднично болтались по набережным и площадям Парижа. Бутылка «Сангрии» в руке им не казалась моветоном. Веселое настроение, встречи с уличными художниками пьянили и без вина. Как на крыльях бабочки, они кружили по городу.

А когда вернулись в гостиницу, провели незабываемую ночь, ни разу не вспомнив о своём возрасте. Эта страсть напомнила им о былой молодости и о неудержимой тяге семейного партнёрства.

Он еще раз взглянул на фотографию. Реакции не было никакой. «Странно... – Может, зрение стало хуже?» – захотелось обернуть ситуацию в шутку.

Решив подвести некоторые итоги своим размышлениям, навеявшим некоторое уныние, Аркадий подытожил:

– Итак, здоровье, согласно возрасту, у него есть и половая сила тоже. Внешне он изменился, но вполне соответствует паспорту. С женой давно не спит и ему не хочется. Почему? Он же её любит! Нет влечения к жене? Похоже на то. А почему? С другой стороны, если нет потребности, то зачем напрягаться? Живи себе, работай. Получай иные удовольствия и радуйся. Какие-то сомнительные первые выводы из вечерних размышлений. Может быть возраст всему виной? Или психология семейных взаимоотношений?

Обилие не отвеченных вопросов его радовало при исследовании научных проблем. А в собственной жизни он привык быть несколько прямолинейным: разложив все по полочкам, придать всему параллельно-перпендикулярный вид, как говорили его коллеги, найти ответ на самый значимый вопрос и решить его собственными силами.

– Интересно, а как Мила? Может быть, ей-то как раз и хочется? А он все по командировкам, авралы на работе, уста-

лость перед сном... - Аркадий почесал свои залысины. – Вот так и становятся сохатыми. Один не хочет, а другой...

Такая мысль его несколько смутила. С одной стороны, он – сторонник свободных и равноправных отношений, когда это не касалось его взаимоотношений с женой. Ещё в школе, читая классика, в голове юного повесы навсегда в сознании остались слова одного из главных героев о том, возможно ли простить измену любимой женщины. И так же, как его любимый персонаж, пацан чётко усвоил свою мужскую позицию на этот счёт: «...Падшую женщину надо простить, но я не говорил, что я могу простить...». И в реальной жизни он не желает быть рогатым!

Парадокс: он надеется на верность жены, но сам не пропустит ни одну, по его мнению, достойную юбку.

Прекратив вышагивать по кабинету, мужчина остановился у рабочего стола. Рука произвольно коснулась компьютерной мышки.

Как-то просматривая новостную ленту в «Гайдпарке», он обратил внимание на очередной опрос посетителей: «Должна ли женщина быть целомудренной до свадьбы?» Тогда Аркадий не придавал всему этому никакого значения, будучи уверенным в своей мужской позиции с юности. Сейчас он решил найти тот самый сайт. Оказалось, что большинство мужчин разделяют его позицию, как и половина опрошенных женщин: они – за целомудрие. А вот вторая половина женщин оказалась – против... Но его это уже не могло ка-

саться. Он был первым мужчиной в жизни Милы.

А как обстоит дело с замужними дамами?

Лучше не смотреть и не портить окончательно себе настроение.

Мужчина решительно выключил компьютер, разделся, погасил свет и лег спать...

Часто память человека оценочна и похожа на школьный дневник с отметками и замечаниями, где красными жирными чернилами выведены значимые записи по годам. Они-то и вспоминаются в первую очередь, когда тревожащий вопрос терзает сознание. Противоречивые мысли снова и снова, неустанно возвращали к вопросам вечных отношений мужчины и женщины.

Воспоминание, как яркая луна за окном, выкатилось из туманной плоти ночного облака. Он вдруг вспомнил историю, когда в своей очередной командировке мог потерять сокурсника Лешку. Тот выскочил за пивом на одной из остановок, и потом уже запрыгивал в поезд на полном ходу. Кто-нибудь пытался это сделать без рук? Не держась за поручни? Повторять не рекомендуется: это смертельный номер даже для циркового артиста. А Лешка, после литра водки, с помощью таких же двух трюкачей, не выпуская из рук 8 бутылок пива, был втянут в тамбур из под самых колес. На следующее утро, когда друзья поведали ему о небывалом его подвиге, он был готов повторить этот номер на «бис», но уже протрезвевшие разумные головы отговорили героя: все сонные, всё

выпито, песни спеты, анекдоты рассказаны и через полчаса конечная станция – какой резон.

Аркадий смотрел на приближающийся незнакомый город. Рядом появилась дама с чемоданом и села у окна напротив. Незнакомка взглянула в его сторону и игриво улыбнулась:

– В наш город?

– Да. Впервые...

– К родне?

– Нет. Проездом на пару часов.

Состав резко затормозил, и проводница стала открывать дверь вагона.

– Что-то вы не рассчитали. Следующий поезд будет только завтра. – Она стала спускаться вниз.

– Иначе не выбраться?

– Только по реке. А в это время года – увы, паромы не ходят...

– Ничего. В гостинице остановлюсь.

– В нашем городе гостиниц нет, – сказала она, когда грохот отходящего состава стал чуть тише.

– Приютите? – Аркадий стоял напротив с её чемоданом и со своей небольшой дорожной сумкой. Он уже с нескрываемым интересом разглядывал женщину, которая вполне вписывалась в его стандарт «достойной одноразовой партнерши».

– Если поможет донести вещи, то с удовольствием!

Такой поворот событий устраивал обоих, и случайные по-

путчики двинулись в дорогу уже известных им отношений.

– В городе нет общественного транспорта, нет такси, одна единственная широкая главная трасса, – торопливо сообщила женщина.

– И все?

– Как видите. И по ней только маршрутный автобус, который отвозит наших мужчин по сменам на АЭС.

– Вы замужем, кстати?

– А то! Мой-то и уехал часа два назад на смену в ночь, – бойко поделилась информацией верная жена. – Вон уже мое окно светится на 12-ом этаже...

– Значит, дети ждут?

– Нет. Подруга. Она всегда меня встречает из поездки, если муж на смене.

Они поднялись на лифте, где на лестничной площадке им отворила дверь квартиры брюнетка небольшого роста с раскосыми, как у рыси глазами.

– Ура! Дождалась!!! – она расцеловала подругу и уставилась на мужчину. – Катя. А вы – кто?

– Аркадий...

Хозяйка не дала договорить:

– Разговоры, знакомства потом. Быстро в душ, а мы пока стол организуем...

Когда Аркадий вышел в зал с наброшенным полотенцем, хозяйка предложила первый тост за знакомство, выпила и юркнула в ванную. Её подружка, не закусывая, выпила

вторую рюмку, уставилась на гостя и сказала довольно интригующе:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.